

НЕЗНАКОМКА

ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

*Фамильный оберег
Закат цвета фламинго*

Фамильный оберег

Ирина Мельникова

**Фамильный оберег.
Закат цвета фламинго**

«ЭКСМО»

2011

Мельникова И. А.

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго / И. А. Мельникова —
«Эксмо», 2011 — (Фамильный оберег)

ISBN 978-5-699-52712-0

Перед смертью тетя подарила художнице Татьяне Бекешевой золотые серьги, изображавшие богиню плодородия, и серебряное кольцо с кораллом. Эти украшения когда-то принадлежали древнему сибирскому роду и из века в век передавались по женской линии. Триста лет назад ими владела юная дочь князя, которая мечтала стать воином и научилась мастерски владеть оружием. Однажды отец взял ее с собой на переговоры с русским князем Мироном Бекешевым, приехавшим покорять Сибирь. Однако встреча закончилась так, как не ожидал никто, ведь война и любовь часто идут рука об руку!.. Татьяна, узнавшая эту историю, пока не подозревала, что доставшиеся ей украшения могут полностью изменить ее жизнь...

ISBN 978-5-699-52712-0

© Мельникова И. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Мельникова

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

На востоке над неровной грядой древних холмов пробилась сквозь ночную тьму узкая полоска зари. Серая мгла над степью постепенно тает, стекая в узкие ложбины, овраги, горные ущелья. Недолго ей таиться в сырых и холодных закромах: скоро поднимется солнце...

Солнце, великий и могучий Кюн, да луна Ай, чей бледный лик еще не спрятался за горизонтом, тысячи тысяч лет взирают сверху на этот мир – мир вольных степей, где так вольготно табунам, где лошади скачут наперегонки с ветром и тонко ржет жеребенок, а поднебесные трели жаворонка сливаются с той неповторимой мелодией, что создают шелест седых ковылей, тихий шепот ручейков, шорох песков, осторожный посвист сусликов и шипение выползающих погреться на камни змей.

Гордые тасхылы, чьи вершины даже летом покрыты снежными шапками, – точно грозная стража на его рубежах, а предгорья заполонила тайга. Темнохвойные леса стоят вперемежку с березовыми рощами и еланями, где высокая трава и пожарище жарков по весне да белое покрывало ромашек летом.

Здесь озера, в которые словно опрокинулось небо, такой они глубины и непередаваемой голубизны. Здесь берут начало бурные реки с кристально чистой, сладкой на вкус водой. Здесь грохочут водопады, чьи потоки свились в серебряные косы, а над звонкими струями танцуют гибкие радуги. Здесь – не тающие летом снежники, и яркая зелень поднебесных лугов, и ветерок с гор, который пахнет пряным ирбеном – богородской травой и смолистым арчином – можжевельником.

Древняя Хакасия – земля некогда могущественных царей и воинственных народов. Солнце и ветер разрушили и сгладили вершины высоченных пиков, а время безжалостно стерло с лица земли все, что говорило о стародавнем величии и богатстве: крепости, дворцы, поселения... И как напоминание о тех славных и гордых временах возвышаются одинокие курганы-могильники и вечные их спутники – каменные менгиры с выбитыми на них старинными письменами, которые донесли до нас забытые события и имена тех, кто покоится в древних усыпальницах.

Прислушайтесь, это не рокот обвалов, то рев диких орд кочевников и топот их коней. И не ветер завывает среди замшелых камней, то свистят стрелы и лязгают мечи, а стоны раненых и грозные крики воинов снова и снова оглашают древнюю степь. Не раз она орошалась кровью, и не раз кружило черное воронье над полеглими в схватках батырами.

В незапамятные времена прошли по ней гунны, а после кого только не привлекали богатства этого края: могучего Чингисхана и китайских богдыханов, алтын-ханов и джунгарских контайши. Одни только лишь заглядывались на вождельные земли из-за высоких гор, другие шли с огнем и мечом, угоняли в полон народы и вырезали целые поселения. С юга шли и с запада, с севера и с востока... Кровавыми слезами умывалась древняя степь, стонала и изнывала от жестоких набегов...

Глава 1

Сегодня впервые за последнюю неделю выглянуло солнце, но тяжелые тучи по-прежнему громоздились над Финским заливом. И все же на клумбах распустились тюльпаны, зацвели каштаны, а это значит – не за горами лето. Татьяна так устала от вечной сырости и серости питерской зимы, что радовалась, как ребенок неожиданному подарку, и нежной зелени газонов, и облаку распустившейся сирени, и желтому покрывалу одуванчиков на обочинах дорог.

Она опустила стекло, и ворвавшийся в машину поток воздуха принес с собой запахи моря, свежей корюшки и горчившие на губах ароматы пробудившейся природы.

Проносились мимо сосновые боры и перелески, заросшие камышом низины и мелкие речушки, спешившие на встречу с морем. Мелькали среди нежной зелени белые стены дворцов и бывшие барские усадьбы. А кое-где только стройные шеренги лип и дубов отмечали то, что осталось от некогда богатых поместий.

Ранним воскресным утром дорога была пустынной, и Татьяна позволила себе расслабиться. Неделю она провела на даче, стараясь забытья. Пробовала работать, но кисти валились из рук. Хваталась за чтение, но стоило ей раскрыть книгу и пробежать глазами несколько строчек, как тотчас ее мысли улетали в тот печальный день, когда тетушка в последний раз пригласила ее к себе...

Анастасия Евгеньевна уже не вставала. В спальне пахло лекарствами и тленом. Тетушка не скрывала, что дни ее сочтены, но держалась бодро, пыталась шутить, хотя глаза ее, прежде яркие и веселые, потускнели, а рот провалился. И слова она произносила с трудом, почти шепотом.

– Сядь рядом, – велела она, когда племянница подошла и склонилась над ней, чтобы поцеловать в щеку. – Мне нужно что-то тебе сказать.

Татьяна послушно села на стоявший у кровати пуфик и осторожно погладила Анастасию Евгеньевну по высохшей руке с коричневыми пигментными пятнами на пожелтевшей коже.

– Слушаю, тетя Ася, – сказала она ласково, стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал ее смятение.

– Я отвлекла тебя от работы? – спросила тетушка.

– Пустяки! – весело ответила Татьяна. – Ты ведь знаешь, я сама себе хозяйка.

– Как твоя выставка?

Татьяна пожала плечами:

– Пока никак. Виктор поставил условия, которые для меня абсолютно неприемлемы.

– Выйти за него замуж для тебя неприемлемое условие? – строго спросила тетушка. – Вы встречаетесь три года, ты влюбилась в него как кошка. Ты же мечтала выйти за него замуж? Что случилось? Отчего его предложение стало для тебя неприемлемым? Ты встретила другого мужчину?

Татьяна отвела взгляд.

– Никого я не встретила. Но три года вполне хватило, чтобы узнать человека.

– Три года... – усмехнулась Анастасия Евгеньевна. – Порой не хватает целой жизни, чтобы узнать человека как следует. И чем же он плох? Удачливый бизнесмен, на личные деньги устраивает твою выставку. Ну, выпивает немного, но кто сейчас не пьет?

– Пьют, конечно, многие, а еще кокаин нюхают, в подпольных казино играют, проститутки снимают. Виктор на этом фоне просто святым выглядит, – улыбнулась Татьяна.

– Так выходи за него замуж, пока его не прибрали к рукам. – Анастасия Евгеньевна посмотрела на нее с удивлением. – Я тебя не понимаю.

– Я сама себя не понимаю, – вздохнула Татьяна. – Но про кошку ты зря. Да, он мне интересен. С ним не скучно и поговорить можно обо всем, но, понимаешь... Я не знаю, как

это объяснить... У меня все время такое чувство, что это не мое, чужое, временное... Что он вот-вот исчезнет. Уедет, бросит меня...

– Но ты ничего не делаешь, чтобы удержать его. Учти, мужчины непостоянны и ветрены. Стоит какой-нибудь красотке поманить его пальцем, и поминай как звали. Может, тебе родить ребенка? Тогда все сомнения отпадут сами собой.

– Ребенка? – Татьяна покачала головой. – Менее всего я хочу от него ребенка. Тогда он вообще возьмет власть надо мной. Пока ему это не удастся, но он не оставляет надежды. Будь его воля, он посадил бы меня на цепь. И не позволял бы выезжать даже на этюды. А с выставкой он тянет только по той причине, что там будет масса людей и обязательно найдутся мужчины, которые будут говорить мне комплименты, ухаживать, просто глазеть... Виктору это как нож в горле.

– Танюша, это не самое страшное, – сказала устало тетушка и закрыла глаза.

– Теть Ася, – Татьяна погладила ее по руке, – давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты ведь хотела что-то мне сказать?

– Хорошо, – Анастасия Евгеньевна открыла глаза. – Подай мне шкатулку! Вон ту, на комод...

Татьяна встала и подошла к старинному комоду. Рядом со шкатулкой стояла фотография: Анастасия Евгеньевна в молодости. Здесь ей лет двадцать или чуть больше. Белая шляпка, платье в горошек, белые перчатки... Два года минуло, как закончилась война. Еще и голодно, и холодно, но так хотелось выглядеть красивой...

Таня взяла шкатулку. Когда-то Анастасия Евгеньевна хранила в ней облигации, затем Почетные грамоты и орден Трудового Красного Знамени. Имелось в шкатулке и специальное отделение для семейных драгоценностей, которые еще в войну бабушка внесла в Фонд обороны. Теперь в нем – лишь обручальное кольцо дядюшки. Его привезли Анастасии Евгеньевне в шестьдесят девятом вместе с похоронкой и цинковым гробом, в котором лежали останки ее мужа – военного летчика, погибшего во Вьетнаме.

– Вот твоя шкатулка, – сказала Татьяна и снова опустилась на пуфик.

Анастасия Евгеньевна открыла крышку и достала похожий на кисет замшевый мешочек, затянутый шнурком. На нем вышитые красным шелком узоры – листья клевера. Татьяна знала от тетушки: это – символ плодородия и долголетия у турков.

– Возьми!

Тетушка извлекла из мешочка серебряное кольцо. Вместо камня – соляренный круг с таинственными письменами, в центре – кусочек коралла. Причудливые знаки на кольце очень напоминали скандинавские руны, но наличие соляренного круга, кусочек коралла и сам орнамент на кисете говорили о том, что оно родом из Центральной Азии. Но более кольца Татьяну поразили серьги. Они были изготовлены из золота – довольно грубая ручная работа, а может, и вовсе искусная подделка под старину. Но тетушка не стала бы хранить фальшивки. Скорее всего серьги, как и кольцо, старинные, «из тьмы веков», как любила говорить Татьяна матушка, Галина Андреевна Бекешева.

Подобной «тьмой» она забила всю квартиру. Но эти украшения Татьяна никогда не видела. Две одинаковые, выполненные из золота и серебра миниатюрные женские фигурки, застывшие в статичных позах с чашами в руках. Над головой – нимбы округлой формы, за плечами – расправленные крылья, ниже загнутый назад хвост птицы. Серьги богато украшены золотой сканью, а еще четыре золотых шарика укреплены по краям фигурок на серебряных проволочках.

Татьяна поднесла серьги к глазам. Все-таки изображения женщин не во всем идентичны друг другу, что подтверждало ручную работу. На тыльной стороне сережек она обнаружила скобы из толстой серебряной проволоки, с помощью которых они продевались в уши.

– Откуда у тебя эти украшения? – спросила Татьяна.

– Им лет триста или четыреста, – сказала Анастасия Евгеньевна и облизала сухие губы. – Возможно, тогда эти серьги носили как оберег, так христиане носят нательные кресты и иконки с изображениями святых-покровителей.

Татьяна поднесла стакан с водой к ее губам и подвела ладонь под голову, помогая тетушке слегка приподняться. Анастасия Евгеньевна сделала несколько глотков и благодарно улыбнулась племяннице:

– Спасибо, Танюша! Кто знал, что твоя тетка превратится в развалину.

– Какая развалина? – Татьяна старалась, чтобы ее голос звучал бодро. – Мы с тобой еще в Америку поедем. К твоим индейцам. Или на Алтай. Ты давно грозилась показать мне Телецкое озеро.

Анастасия Евгеньевна едва заметно качнула головой:

– Погоди, дорогая! Я могу не успеть...

Она с трудом перевела дыхание.

– Серьги, в Сибири их заушницами называли, очевидно, изображают богиню Имай. Тюрки считают ее покровительницей детей и матерей, богиней плодородия. Видишь, в руках у нее небольшая чашечка. Здесь в освященном молоке помещались души детей. Во время болезни ребенка из такой чашечки производили обрядовое кормление Имай. Она вдобавок была покровительницей знатных людей. Поэтому эти серьги наверняка символ власти и богатства.

Татьяна слушала тетушку и не сводила взгляда с неожиданного подарка. Ей очень хотелось примерить и кольцо, и серьги, но она ждала, когда Анастасия Евгеньевна сама предложит ей сделать это. Еще подростком Татьяна несколько раз получала серьезную выволочку, когда пыталась надеть без ее ведома жутко разрисованную маску эскимосского колдуна или постучать в обтянутый оленьей кожей шаманский бубен.

В начале девяностых прошлого века Анастасия Евгеньевна серьезно увлеклась языческими обрядами. Ездил на съезды шаманов в Канаду и на Аляску, в Тыву и на Горный Алтай. Принимала участие в этнографических экспедициях, из которых привезла массу фотографий, несколько видеофильмов и штук двадцать толстых тетрадей, заполненных записями обрядовых заклинаний, сказаний и песен, испещренных копиями древних наскальных рисунков – петроглифов, изображениями культовых масок, тотемных знаков, бубнов, костюмов шаманов. Но о своих путешествиях Анастасия Евгеньевна не любила рассказывать. Особенно если кто-то принимался шутить по поводу ее странных увлечений.

Племянница была единственным человеком, которому она приоткрывала кое-какие тайны. Анастасия Евгеньевна то ли стеснялась, то ли побаивалась, что ее сочтут сумасшедшей, и поэтому только Татьяне рассказала о странных видениях, которые в последние годы стали посещать ее все чаще и чаще. Естественно, странными они казались Татьяне, а вот Анастасия Евгеньевна каждому находила объяснение. И даже предсказывала кое-какие события, что удивительно, весьма точно.

Возможно, этот дар проснулся в ней после сотрясения мозга, которое она перенесла лет тридцать назад, попав в автомобильную аварию. Говорят, такое случается. Хотя скорее всего она владела им давно, но тщательно скрывала. В советские времена это было чревато печальными последствиями, тем более для доктора наук, профессора, декана исторического факультета.

Но сейчас, в эпоху смятения и расставания с идеалами, ее дар никому уже не казался необычным. Татьяна и вовсе воспринимала его как защитную реакцию на те стороны современного бытия, к которым Анастасия Евгеньевна так и не смогла привыкнуть, а кое-что и вовсе отказывалась принимать.

– Я их никому не показывала, – тихо и, как показалось Татьяне, с усилием произнесла Анастасия Евгеньевна. – Судя по некоторым признакам, они принадлежали кыргызскому роду

Чаадар, который жил когда-то на левом берегу Енисея. И передавались по женской линии. Я не могла отдать их твоему отцу, а дочери у меня нет. Теперь ты их хранительница. А когда придет твой час, передашь их своей младшей дочери.

– Теть Ася, о чем ты говоришь? – Татьяна с укоризной посмотрела на Анастасию Евгеньевну. – Какой Чаадар? Какой Енисей? Ты всю жизнь прожила в Питере.

– В Питере, конечно, в Питере, – едва заметно улыбнулась Анастасия Евгеньевна. – Но, возможно, в нас течет кровь древнего кыргызского рода. Конечно, она изрядно разбавлена русской кровью, но разрез глаз, цвет волос... Посмотри на меня, разве это не очевидно? А ты? Тебя ведь дразнили в школе Чио-Чио-сан. И тебе не интересно, откуда это пошло?

– Мне очень интересно! Но почему ты раньше об этом не рассказывала? – неподдельно изумилась Татьяна. – И мама молчала, и отец... Что в том плохого, если в нас течет киргизская кровь?

– Не киргизская, а кыргызская, – уточнила Анастасия Евгеньевна. – Хотя говорят, что современные киргизы тоже выходцы из тех мест. А кыргызами называли древний народ, который жил на юге Сибири в предгорьях Саянских гор. Загляни в мои тетради. Там ты найдешь все, что мне удалось отыскать об истории кыргызов, их вере и обычаях. Но о княжестве Чаадар известно очень мало, вернее, почти совсем не известно...

Татьяна покачала головой.

– Боже, и я узнаю об этом только сейчас? Неужели ты думаешь, что эта история меня бы расстроила? Наоборот, она придает некоторую пикантность... Я принадлежу к древнему роду... Восточная княжна! Так это ж здорово!

– Нашими предками были русские князья Бекешевы, теперь это можно не скрывать, – едва слышно произнесла Анастасия Евгеньевна. Татьяне даже пришлось склониться ниже, чтобы разобрать слова. – Я не знаю, как попали к ним эти украшения. В архивах не сохранилось никаких документов о том, что у кого-то из них была супруга из рода Чаадар. Но наличие этого кольца, серьги и присутствие азиатских черт на лицах потомков подсказывают мне, что все неспроста...

– Что это за серьги, мы, пожалуй, выяснили, – сказала Татьяна и повертела кольцо в пальцах. – Но что в нем особенного? Может, эти значки какое-нибудь таинственное заклинание скрывают?

– Не знаю, что они скрывают, – сказала тетушка, – но всякий раз, когда я надевала кольцо на палец, мне становилось плохо. И я торопилась его снять. По древнему поверью к кораллам притягивается душа. Раньше большой кусочек коралла меняли на вола или лошадь. Моя тетушка, сестра нашего отца, а твоего дедушки, отдала мне кольцо и серьги перед смертью и что-то тихо сказала, то ли «Хозяйка вернется...», то ли «Хозяйка придет...». Но, возможно, я не так поняла. К сожалению, я не успела расспросить ее, откуда взялись эти украшения. Представляешь, их даже в блокаду не поменяли на еду. Верно, есть в них что-то необычное. Теперь они – твои. Надеюсь, – тетушка на мгновение прикрыла глаза, – у тебя выйдет узнать то, чего не удалось мне. Я верю, – она с трудом перевела дыхание, – верю, у тебя все получится...

– Хозяйка вернется? – Татьяна раскрыла ладонь и поднесла к глазам кольцо и серьги.

Тонкий, как игла, солнечный луч, едва пробившийся сквозь щель между шторами, блеснул и пропал в тусклом старинном золоте. А ей показалось, в комнате повеяло сквозняком, хотя окна и двери в квартире были плотно закрыты. Ш-ш-ш! – прошелестело за спиной. Так шуршат камыши на озере. Татьяна оглянулась. Никого! Но отчего же мурашки забегали по коже? Словно от холода или предчувствия опасности?

Девушка тронула пальцем кусочка коралла. Затем обвела контуры женской фигурки. Тревога не унималась. Беспочвенная, по сути, тревога...

– Хозяйка? – повторила она. – Как она вернется? Ее давно нет в живых. Сама говоришь, кольцу много лет.

– Это неважно, – тетушка перевела дыхание и коснулась пальцами ее ладони. – Примерь... Я видела... – Она закрыла глаза, но тут же с заметным усилием открыла их снова. – Это знак... Тамг¹ Копье в круге...

Анастасия Евгеньевна уже с трудом вытаскивала из себя слова. И эти звуки больше смахивали на шелест сухих трав, чем на речь человека.

– Пламя до неба... Семь белых волков... Не упави с коня... – Она обвела языком губы – бледные, с синевой в уголках рта – и едва слышно прошептала: – Поезжай в Чаадар... Айдына... – и закрыла глаза...

* * *

Чтобы отвлечься от горьких воспоминаний, Татьяна вставила в магнитоле первый попавшийся диск и включила чуть ли не предельную громкость. Тяжелый рок обрушился на барабанные перепонки. Надо же, она совсем забыла, что на похоронах тетушки машиной пользовался младший брат. Татьяна с досадой выключила звук. Сбавив скорость, она свернула на проселочную дорогу и остановила машину. Странное чувство переполняло ее и не давало отвлечься от грустных мыслей. Словно она что-то забыла или не сделала, а может, это ощущение возникло оттого, что их разговор с тетушкой оборвался на полуслове. Вероятно, такое чувство возникает у всякого человека, кто терял своих близких. Что-то недосказано, что-то не понято, что-то не выполнено...

Татьяна вышла из машины. Дорога шла сквозь сосновый бор. Остро пахло молодой травой и едва ощутимо – прелью и сухой хвоей. Но все это перебивал аромат цветущих ландышей. Белое покрывало затянуло опушку леса. Татьяна отошла от машины и села прямо в траву. Машинально сорвала один цветок, затем другой... Как ей хотелось забыться, стереть из памяти неприятности последних дней. Ведь со смертью тети Аси – самого близкого и любимого человека – все в ее жизни перевернулось. Точно проснулись от долгой спячки беды и несчастья и обложили Татьяну кольцом, как обкладывают свою жертву голодные хищники.

Сначала ей сообщили, что в детской художественной школе, где она преподавала, из-за недостатка финансирования вынуждены сократить две учительские ставки. И, естественно, под сокращение попадала она, как самая молодая и неопытная. Директор школы долго жался, смущался, нервничал, прежде чем сообщить ей это известие. Но Татьяна уже и без него знала о грядущих переменах в своей судьбе. О намеченном сокращении ей по секрету поведала секретарь директора. Что ж, чего-то подобного следовало ожидать. Татьяна не сомневалась, что главной причиной ее увольнения явилась недавняя выставка молодых художников в Москве, где ее работы имели большой успех.

О ней много и доброжелательно писали в газетах, отметили своей благосклонностью критики, но в учительском коллективе девушку встретили с кислыми минами, а один из патриархов школы в глаза назвал ее «выскочкой». Уже тогда она подумала, что ее преподавательская карьера накрылась медным тазом. Но не ожидала, что это произойдет так быстро.

Следом грянула ссора с Виктором. Татьяна робко намекнула ему, что хочет перенести персональную выставку на осень. После смерти тетушки она чувствовала себя разбитой, несобранной, ей страшно не хотелось появляться на публике. Но Виктор взъярился. Он непотребно ругался, обозвал ее неблагодарной тварью, а затем принялся плакать и просить прощения. Вот тогда она и уехала на дачу, построенную после войны на средства деда – профессора Ленинградского университета Евгения Федоровича Бекешева. Вернее, сбежала, не сообщив об этом даже родителям. И тем более Виктору. В последнее время ей все чаще и чаще не хотелось его

¹ Тамга – здесь – клеймо.

видеть. Видно, она миновала тот рубеж, когда влюбленность плавно переходит в любовь. У нее она переросла в отчуждение.

Крепкий двухэтажный дом из бруса стоял на берегу озера. Дачный сезон еще не начался, и университетский поселок большей частью пустовал. Но Татьяна совсем не страдала от недостатка общения. Она отключила телефон, и три дня, несмотря на дождь, бродила по берегу озера, а когда выглянуло солнце, прогулялась по лесу, пройдясь по знакомым тропинкам и навестив любимые с детства поляны. Возвращаясь в дом, она затапливала камин и долго сидела на полу перед ним, наблюдая, как жадное пламя гложет березовые поленья, а после синие огоньки лихо отплясывают на багровых углях.

Иногда она доставала из кисета то серебряное кольцо, то серьги и долго рассматривала их, стараясь разобраться в хитросплетениях древних рун. А то пыталась обнаружить систему в кружеве таинственных, вовсе ни на что не похожих значков, которые она обнаружила на обратной стороне серег, когда попыталась рассмотреть их в лупу. Почему-то ей казалось важным разгадать эти надписи, но всякий раз, вздохнув, она возвращала кольцо и серьги в шкатулку, понимая, что это практически невозможно.

Накануне вечером Татьяна ненадолго включила телефон, чтобы позвонить матери. Наверняка ее уже потеряли, и она приготовилась выслушать очередную проповедь. В этом деле Галина Андреевна была великой мастерицей.

– Таня, ты сдурила? – спросила мать. – Куда вдруг исчезла? Тебя Виктор повсюду ищет! Я старательно его убеждаю, что тебя нет на даче...

– Откуда ты знаешь, что я на даче? – Татьяна спросила это, совсем не удивившись пронищательности собственной матушки.

– Ну, раз не у Виктора, значит, на даче. – Галина Андреевна могла похвастаться своими дедуктивными способностями. – Третьего не дано. Конечно, если ты не завела себе нового приятеля. Но не похоже, что ты снова воспылала любовью.

– Успокойся, мамуля, не воспылала, – огрызнулась Татьяна. – А Виктора я не хочу видеть.

– Понятно, – вздохнула Галина Андреевна. – С Виктором покончено? Или как?

– Не знаю, – вздохнула и Татьяна, – просто так он от меня не отстанет. Все-таки он вкладывал в меня деньги, надеялся, что мои работы попадут в Европу. А я вроде как не оправдала его надежды.

– Совсем не обязательно с ним спать, чтобы оправдать его надежды. Вы можете остаться друзьями и продолжать работать вместе, – вполне резонно заметила Галина Андреевна, словно не знала, что с Виктором эти фокусы не пройдут.

Он прочно уверовал, что Татьяна его собственность и никто более не имеет на нее никаких прав. Матушка прекрасно об этом знала. Они не раз обсуждали этот вопрос. Татьяне наперед были известны все доводы, какие приведет Галина Андреевна в защиту их союза. Но на сей раз она не стала спорить с матерью или что-то ей доказывать.

– Ладно, мама, – сказала она устало. – Я вижу, у вас все хорошо, никто не болеет. И слава Богу!

– И все же ты должна встретиться с Виктором, – строго сказала Галина Андреевна. – А то он подумает, что ты трусишь и скрываешься от него. Честно сказать, я уже не знаю, что ему отвечать...

– Хорошо, я встречу с ним и попрошу оставить тебя в покое.

Утром Татьяна отправилась на встречу с Виктором, намеренно не предупредив его о грядущем приезде. Таким образом она хотя бы ненадолго отдаляла лавину гнева, которая непременно обрушится на ее голову. Нельзя сказать, что Татьяна боялась Виктора. Но во время истерик он не внимал ее объяснениям, а приходил в еще бо€льшую ярость. До рукоприкладства, к счастью, не доходило, но в бешенстве Виктор крушил мебель, бил посуду и выбросил в окно

ноутбук, когда обнаружил на одном из сайтов в Интернете язвительные отзывы о своей галерее и коллекции живописи. К тому же он постоянно требовал от Татьяны подтверждения ее любви.

Если человека раз двадцать в сутки спросят: «Ты меня любишь?», в двадцать первый раз он попросит оставить его в покое. Татьяна терпела гораздо дольше, но сейчас ее терпению пришел конец. Раньше она легче переносила его выходки, возможно, потому, что всегда могла приехать к тетушке. Приехать раздавленной, униженной, растерянной, обиженной – какой угодно, а возвращалась от нее всегда другим человеком – просветленным, чистым, свободным от комплексов, которые не позволяли ей достойно противостоять не только Виктору, но и всем недоброжелателям, которых в творческой среде превеликое множество.

Правда, этого заряда хватало ненадолго. И Татьяна снова ехала к тете Асе, набиралась сил, энергии и опять бросалась в омут отношений с Виктором, хотя и понимала, что это не может продолжаться вечно. Когда-нибудь она не сумеет выбраться из этого водоворота...

Она поднялась на ноги. С недоумением посмотрела на букетик ландышей. От их запаха кружилась голова, но вместе с тем она испытывала небывалую легкость. Полной грудью вдохнула влажный воздух. И вдруг поняла, что впервые нарушит обещание: не поедет на встречу с Виктором и даже не позвонит ему. Разве она не способна принимать самостоятельные решения? Кто придумал, что только с помощью Виктора, с его деньгами и связями она станет известной художницей? Сейчас она вернется на дачу и будет работать, работать, работать, даже если все вокруг начнет рушиться и разлетаться в прах!

Татьяна встряхнула головой, словно отменяя последние сомнения, и направилась к машине. Но прежде чем тронуться с места, она достала кيسет с тетушкиным подарком и, не раздумывая, надела сначала серьги, а затем – кольцо. Оно оказалось великоватым, подошло только на средний палец правой руки. Вопреки ее ожиданиям ничего примечательного не случилось. Правда, серьги были непривычно тяжелыми, но Татьяна знала, что скоро к этому привыкнет. А вот кольцо смотрелось очень стильно. И она подумала, что к нему подошел бы крупный браслет, желательно тоже старинной работы.

Возвращаться назад оказалось и легче, и приятнее. Она вставила в магнитолау новый диск с легкомысленной, веселой музыкой, открыла люк над головой, и хотя было довольно прохладно, а ветер разметал волосы, Татьяна словно не замечала этого. Странное возбуждение овладело ею. Тревога не отпускала, но постепенно уступала место радости освобождения. И это пьянящее предвкушение чего-то необыкновенного, что вот-вот должно было произойти в ее жизни, казалось, заполнило каждую ее клеточку, каждый кровеносный сосуд, отчего ей вдруг захотелось или закричать во все горло, или запеть так, чтобы услышал весь мир, или...

Впрочем, она не сделала ни того, ни другого. Просто не успела выбрать, потому что пришлось свернуть с трассы на проселочную дорогу, которая вела к двум дачным поселкам и, естественно, была разбита до безобразия.

Татьяна всегда очень аккуратно управляла машиной, хотя в этот ранний час дорога была пустынной. Она сосредоточила внимание на множестве рытвин и ухабов, поэтому так и не поняла, откуда выскочил этот шальной велосипедист. В последний момент она заметила впереди большое, метнувшееся навстречу яркое пятно, почему-то подумала: «Птица!» – и резко вывернула руль влево, стараясь избежать лобового столкновения. Машину занесло, мелькнуло что-то белое, и следом раздался глухой удар да пронзительный скрежет рвущегося металла! И странный пронзительный свист в ушах, словно сигнал проносившейся мимо электрички... Боковым зрением она успела разглядеть исковерканный велосипед и человека в красной куртке на обочине, который сидел на траве, схватившись руками за голову. По его пальцам текла кровь.

«Боже, что я натворила!» – промелькнуло в сознании, а взгляд уперся в ствол огромной березы, чьи ветки нависли над развороченным капотом машины. Она снова повернула голову,

чтобы разглядеть, что происходит на обочине, но дикая боль пронзила шею. Татьяна закричала, и душная вязкая темнота навалилась на нее, придавила, поглотив все звуки вокруг...

Глава 2

– Айдына! Айдына! – услышала девочка крик старой Ончас.

Тетка пробиралась сквозь кусты, раздвигая их палкой. Она страшно боялась змей и старалась производить как можно больше шума, надеясь, что змея уползет с ее пути прежде, чем нога ступит на облюбованное мерзкой тварью место. Но Айдына была уверена, что змеи здесь не водятся, иначе они не выбрали б с Киркеем это урочище для игр. Они облазили его вдоль и поперек и знали, где растет сладкий кандык и вкусная саранка, где вьет свое гнездо сварливая кедровка и где вырыл нору суровый барсук...

Приближался Месяц Коротких Ночей² когда трава в степи выгорает и начинается большая кочевка в сторону тайги, где и дожди чаще, и выпасы богаче. В нынешнем году это совпало с новолунием. Айдына знала, что перед кочевкой табунщики провели обряд поклонения луне Ай и попросили благополучия и обильных трав. А утром Киркей вместе со старшими братьями отправился на отгонные пастбища, что разлеглись на склонах Айлытах. Гора находилась в двух днях пути от родового аала. Там, на щедром разнотравье горных лугов, паслись огромные табуны Теркен-бега – отца Айдыны: быстроногие кирче, за каждую из которых давали три кисета золота, и маленькие коренастые степняки – драчливые посхи, выносливые и неприхотливые в еде. Среди высоченной травы виднелись спины ленивых яков, из молока которых варили жирный сыр, а с горячих сливок снимали вкусные пенки.

Закрыв глаза, Айдына как наяву видела костер, который трещал и плевался искрами, стоило подбросить в него смолистую ветку. Дым струился в небо, разгоняя комаров и мошку – надоедливую и кусачую. Над огнем в котле варилось мясо, а старый табунщик Салагай сидел на обручке дерева, подслеповато щурился на заходившее солнце и перебирал струны чатхана. Айдына часами могла слушать древние сказания, а гортанное пение и звуки чатхана напоминали ей то шорох листьев во время дождя, то рокот горного потока, то завывание зимнего ветра.

Эти мелодии притягивали к себе и духов, и шаманских тесе³ и души умерших людей. Ни одни поминки не обходились без Салагая, который всю ночь напролет исполнял богатырские сказания. Душа умершего человека садилась на чатхан и, словно при жизни, слушала и наслаждалась подвигами былинных богатырей. Иногда душа проказничала и притягивала к себе голос хайджи. Чтобы этого не случилось, Салагай рисовал угольком крестик под подбородком.

От Салагая Айдына узнала о приключениях славной богатырши Алып Хысхан и похождений Ай-Хуучин, легендарной дочери двух коней, бросившей вызов божественным силам. Темными зимними вечерами она с упоением слушала бесконечные сказания о храбром воине – богатыре Хан-Миргене, но больше всего ей нравилось предание о семи слепых великанах, у которых шустрый мальчишка по имени Пырке выкрал чатхан. Почему-то Айдыне казалось, что именно Салагай был когда-то этим мальчишкой. Слишком подробно и со знанием дела он рассказывал о подвигах Пырке. Он никогда не добирался до конца своего повествования, засыпая на девятом или десятом подвиге.

По утрам Салагай просыпался сердитым. Ведь по поверью, если сказитель спутал слова или не закончил былинку, век его укоротится. Но, видно, Хан-Тиги⁴ многое прощал Салагаю, волосы которого уже не просто побелели, а стали напоминать мох, что свисает в тайге с деревьев. Правда, табунщики по-прежнему брали его с собой, отправляясь на летние выпасы. Гор-

² Июнь.

³ Души, помощники шамана.

⁴ Хан-Тигир – верховный Бог, Владыка Неба.

ные духи таг ээзи тоже любили слушать сказки и музыку. За полученное удовольствие они не трогали скот и даже отгоняли медведя, большого любителя пожить за чужой счет.

По рассказам Киркея, пастухи, добравшись до пастбищ, в первый же вечер забивали в дар духам овцу, стараясь не пролить ни капли крови на землю, варили мясо и горячим паром угощали Хозяина горы. Три ночи подряд Салагай пел о подвигах богатырей. И не было случая, чтобы в третью ночь горловое пение хай не стало вдруг отдаваться эхом в скалах. Табунщики бурно радовались: горным духам настолько понравилось пение, что они подпевают хором. Значит, будет удача! И ни разу, пока Салагай бывал вместе с ними, не ошиблись. По этой причине Салагая берегли, не позволяли ему работать, первому подносили чашку с едой. Ведь в конце кочевки он должен был отблагодарить горных духов за помощь и терпение.

Даже Ончас не помнила Салагая молодым, но и когда тетка была ребенком, он считался непревзойденным сказителем. Сам дух горлового пения Хай Ээзи наградил его даром, который Салагай не утратил до глубокой старости. И, по рассказам той же Ончас, мог много ночей рядом петь под звуки чатхана о подвигах древних богатырей-алыпов. Прошли те времена, сильно постарел Салагай, многое подзабыл из того, что помнил, и все-таки Айдына очень любила его сказания. А Пырке в ее мечтах все больше стал походить на Киркея, правнука Салагая. Именно таким она его представляла: коренастым, с бронзовым от загара скуластым лицом, с косицей, уложенной на темени, не признающим седла, ловким и смелым.

Ончас не позволяла Айдыне играть с кыштымом их рода, сыном пастуха, но что поделывать, если Айдына не признавала девчоночьих забав, а Киркей был единственным мальчишкой, кто не боялся приблизиться к дочери Теркен-бега. Зимой, когда власть попадала в руки-сосульки Узут Арыг – богини Мороза и Холода, они почти не виделись – стояла стужа и снега по пояс, а злобный ветер проникал даже под шубу. Но с весны и до той поры, когда на холодную землю снова ложился снег и ледяная пурга принималась выть и стонать за стенами юрты, они отводили душу в играх и состязаниях, которые придумывали вместе.

Третьим ее товарищем был Адай – огромный лохматый пес, которого еще щенком подарил Айдыне Чайсо, младший брат Теркен-бега. Тогда ей только-только исполнилось одиннадцать лет.

Ончас терпеть не могла Адая. Всякий раз пыталась запустить в него сапогом или огреть палкой.

– Не глядь его! – кричала она Айдыне, если замечала, что племянница обнимает или треплет за уши мохнатого друга. – У него чертова шкура! Смотри, утащит в Нижний мир! Хочешь, чтобы Эрлик-хан женился на тебе?

Ончас искренне верила, что собака, поддавшись на уговоры злого айна, предала хозяина в обмен на теплую шубу и запустила черта в жилище. Но тот не смог навредить человеку, потому что в юрте жил хитрый кот, который прогнал зловредного духа.

Айдына не принимала крики тетки всерьез. Это поверье помнили лишь старики да взбалмошные старухи вроде Ончас. В их аале было много собак. С ними охотники добывали зимой зверя.

Ее Адай был умнее и сильнее всех псов в округе. Так считала Айдына, хотя ей пока не удалось испытать его на зимней охоте. Вот уже четыре года заматеревший пес ни на шаг не отходил от юной хозяйки. В ледяную стужу он согревал девочку своим теплом, в летнюю пору становился отважным спутником в прогулках вдаль от родного аала. По осени он вытащил ее за шиворот из топкой мари; ранней весной спас от зубов старой рыси; чуть позже бросился на вепря-секача, который загнал Айдыну на дерево, а совсем недавно растерзал большую змею. Та неосторожно выползла на камни как раз под ноги девочке.

И теперь Адай был непременным участником всех ее игр и забав. Он находил потерянные в лесу стрелы, а в камышах – добытых по весне уток, строго следил за тем, чтобы Киркей

не слишком часто дергал Айдыну за косички, а еще предупреждал ее лаем о приближении опасности в лице Ончас или невесток Киркея.

В состязаниях Айдына ни в чем не уступала другу, хотя и старше он был, и сильнее. Именно Киркей подарил ей два года назад первый лук, который смастерил своими руками. Он очень ответственно подошел к этому делу. Сначала долго присматривался, как Хублах-лучник вырубал заготовки из черемухи, сушил их, выстругивал лопатки, а затем выгибал кибить – основу будущего лука. Затем Хублах научил Киркея, как правильно выбрать дерево. На нижнюю планку надо было взять тонкоствольную сосну, а на верхнюю – березу.

Киркей нашел такую сосну. Она выросла на опушке. Ее древесина хорошо пропиталась смолой под солнечными лучами, поэтому лук из этого дерева получился особенно прочным. И тетиву из сухожилий аяна – крупного сохатого – он тоже сплел самостоятельно, но под приглядом Хублаха.

С тех пор как Киркей подарил Айдыне лук, они каждый день состязались в стрельбе по палочкам, которые втыкали в землю по три в ряд или в круг. В случае промаха стрелу забирал противник. Правда, Киркею приходилось не на шутку бороться с Адаем. Пес с большой неохотой отдавал ему стрелы хозяйки: рычал, лаял, прижимая лапой стрелу к земле. И только когда Айдына недовольно морщилась и приказывала: «Отойди, Адай!», ее защитник неохотно отваливал в сторону.

Поначалу она с трудом натягивала тетиву, стерла до крови пальцы, потому что ей мешала кожаная рукавица. Затем нежная кожа загрубела, появились мозоли, и дела пошли лучше. Киркей хотя и радовался ее успехам, но нередко кряхтел от досады и сердито дергал себя за косичку.

– Ты девчонка, – ворчал он, – тебе духи помогают!

Прищурившись и закусив губу, Айдына наблюдала за полетом своих стрел. Сначала они взбивали пыль где угодно, только не там, куда им следовало лететь, но все чаще и чаще ряды палочек стали редеть. И всякий раз, когда стрела попадала в цель, девочка издавала радостный вопль:

– Йа-а-хо-о! – и подпрыгивала, резко вздымая лук.

Адай оглушительно лаял, бросался лапами на грудь хозяйке и непременно пытался ее облизать.

– Тихо! – сердился Киркей. – Громче кедровки орете. Сейчас не только Ончас, весь улус сбежится узнать, в чем дело!

Встречаться с Ончас Айдыне не хотелось, Адаю – тем более, но поводов возвестить о своей победе становилось все больше. Айдына опять и опять забывала об осторожности, и тогда Киркей забирал лук, бросал сердито:

– Иди домой! Мне в табун нужно!

Они расставались. Иногда на два-три дня, потому что с наступлением тепла у табунщиков прибавлялось забот и Киркею редко удавалось вырваться на свободу.

На первых порах у Айдыны почти не получалось отыграть свои стрелы у Киркея. Но на следующий год дела пошли лучше: стрелы она уже не проигрывала, а вскоре и перегнала своего дружка и в скорости стрельбы, и в точности попадания. Затем она научилась посылать стрелы в кольцо, сплетенное из прутьев, которое Киркей подвешивал на ветку дерева. Кольцо то вращалось, то раскачивалось под порывами ветра, и само оно было чуть больше кулака Киркея. Но Айдына и здесь обошла приятеля, отчего он злился и однажды чуть не разбил свой лук о камни.

Айдына же смеялась:

– У-у-у, Киркей-батыр, твоя стрела в гости к харачихай-ласточке улетела?

Ее забавлял гнев приятеля. Ведь, как бы ни злился Киркей, вскоре они все равно мирились. И принимались за новые дела, столь же захватывающие и веселые. Впрочем, узнай кто об

их занятиях, Киркею сильно не поздоровилось бы. Кыштым должен с почтением относиться к дочери бега, а Киркей мог и отругать ее как следует, если она с чем-то плохо справлялась, по его разумению.

– Ворона, – сердился он, – сколько можно тебе показывать, как правильно укладывать лук и стрелы в сайдак! – и дергал ее за косички-сурмес.

Адай, негодуя, лаял на обидчика.

– У-у, хара шулбус! – огрызалась Айдына.

Обиды скоро забывались, и мир длился до той поры, пока Киркей снова не принимался кричать:

– Не хватай стрелу за оперенье! Сломаешь, где новые перья возьмешь?

Действительно, орлиные перья были у лучников улуса на вес золота. Обычно брали не больше трех перьев из орлиного крыла. А добыть орла было нелегко, даже если тот парил над головой охотника.

Когда стрельба по целям надоедала, Киркей придумывал новые забавы. Одна из них поначалу оказалась почти непосильной для Айдыны. Но она, закусив губу и чуть ли не плача от напряжения, таскала в гору камни вслед за другом и складывала из них об⁵

– Не отставай, девчонка! – кричал с горы Киркей, когда она, чуть не падая от усталости, с обломком песчаника в руках прислонялась спиной к корявой лиственнице. – Плетешься, как большая косуля!

– У-у, сын пегой лисицы, – задыхаясь, ворчала под нос Айдына, – ты меня косулей внизу назови!

И почти ползла в гору. Камень ни разу не выпал из ее рук, хотя иногда девочку порывало запустить им в голову насмешника Киркея. Но зачем, если обо у Киркея все равно рос быстрее? Одно успокаивало Айдыну: она ловчее прыгала через камчу, которую натягивал между деревьев зловредный приятель, а затем научилась стрелять из лука в прыжке и сбивать стрелой сучки на деревьях, что у Киркея получалось неважно.

Частенько по весне, спрятавшись в кустах, Айдына наблюдала, как старые дружинники-матыры учили будущих воинов владеть копьем и саблей, ножом и боевым топором, пальмой и шестопером и еще множеству хитростей, без которых невозможно победить в бою.

Брат Теркен-бега Чайсо тоже обучал будущих дружинников. Хоть и не слушалась его раненая нога, но стрелять он не разучился, и в битве на мечах ему почти не было равных. Будущие воины разили боевыми стрелами бегущую цель – распяленную на шестах шкуру барана, которую тянули веревками из-за укрытия. Чайсо сердился на нерасторопных и нетерпеливо повторял:

– Быстрее, быстрее стрелы пускайте, чтоб одна другую догоняла.

Учились стрелять верхом на коне и стоя на земле. Схватив саадак, вытаскивали лук, из колчана доставали стрелу. Спешившись, натягивали лук с колена...

Айдына с трепетом наблюдала, как стреляют лучники, не замечая, что раз за разом повторяет их движения. Правую ногу согнуть в колене, левое колено поставить на землю, изготовиться к бою. Взмах руки старого матыра – и тетивы луков оттянуты назад. Еще взмах – и вот уже правая рука лучника с зажатой между пальцами стрелой – у самого уха, а круто изогнутый лук полон едва сдерживаемой силы. Длинный и плоский, как лист ивы, наконечник уже почуял жертву. Он дрожит от нетерпения, но подпускает ее ближе... ближе... Легкий свист... Удар! И новая стрела мигом ложится на левую руку, а правая уже рвет тетиву к уху.

Но тяжелее всего молодым, диковатым еще подопечным давалась наука владения мечом. Чайсо заставлял их часами рубить на полном скаку шесты, бегать и прыгать в доспехах, учил быстро выстраиваться в конную лаву, а в обороне – щитом к щиту стоять неодолимой стеной

⁵ Обо – груда камней, пирамида, часто сложенная на перевалах, около нее приносят дары богам.

и ошетиливаться копьями; показывал, как выбить меч из рук противника, как одному биться с двумя и тремя врагами разом. Он прохаживался от группы к группе, поправлял, наставлял, советовал. Вот взял у новичка меч.

– Делай, как я. Удар наноси не одной рукой, а с выпадом, чтоб сила в нем была, – говорил он и показывал, как вложить в удар вес своего тела. – Бей с потяжкой, всем плечом бей, тогда ни один враг перед тобой не устоит.

Держать подолгу меч в вытянутой руке оказалось труднее всего. Чуть ли не до обморока доводил Чайсо юношей, заставляя их стоять неподвижно в тесных, пока с чужого плеча куяка⁶ и шлемах под солнцем или проливным дождем. Изнемогавшие от тяжести мечей руки деревенели и клонились к земле. Прохаживаясь перед строем, Чайсо кого-то подправлял, кого-то поругивал, кого-то хвалил, но в меру.

– Чтобы меч держать, сила нужна, а сила без пота не придет, – наставительно говорил он. – Ну, ну, выше руку, не палку держишь – оружие.

Теркен-бег иногда наблюдал за занятиями. Юные бойцы, стоя друг против друга, учились отражать щитом удар меча и быстро наносить ответный. Упражнение опасное – мечи настоящие, зазеваешься – пеняй на себя.

– Шаг вперед! Прикройся! Бей! – покрикивал Чайсо. – Еще раз! Шевелись: сейчас вы воины, а не пастухи! – И, заметив брата, бросал ему меч: – Давай, покажи, как надо!

И они сходились в схватке. К радости Айдыны отец всегда выходил победителем. С красным потным лицом он поднимал, потрясая, меч, а его будущие дружинники весело вопили:

– Ий-я-я-я!

Радовались короткой передышке.

Айдына тоже кричала:

– Ий-я-я-я! – но шепотом. И отползала глубже в кусты, боясь, что отец ее заметит.

Но Теркен-бег не часто мог позволить себе такие забавы, поэтому девочке не стоило опасаться, что кто-то обнаружит ее в кустах. И она продолжала с прежним восторгом и завистью наблюдать за обучением юношей.

Айдына подпрыгивала от досады, если стрела Киркея вдруг проходила мимо цели. Била кулаком по дереву, если он не мог сладить с мечом. Но с каждым днем поводов злиться становилось все меньше и меньше.

Киркей был примерным учеником: ловким, быстрым, изворотливым, а если не хватало сил и умения, побеждал в поединках за счет смекалки или хитрости.

Девочка видела, что во многом не уступила бы своему приятелю, а в чем-то и превзошла бы его. Но если кыштым мог стать эром – простым лучником, то женщину и близко не подпустили бы к дружине Теркен-бега. Лишь втайне от всех она мечтала и жаждала не меньше, чем Киркей, с честью пройти обряд посвящения в воины, вдеть в ухо серьгу матыра и сделать на шее татуировку волка, застывшего в прыжке.

Весной, когда сошел снег и тощая молодая трава едва показалась из земли, Киркей учил ее биться на саблях, затем уходить от стрел противника. А это оказалось не менее трудным, чем катать камни ногами в гору. Киркей обстреливал ее тупыми стрелами, а Айдына скакала, как кабарга, стараясь от них уклониться. Пока не наловчилась, ходила в синяках. Правда, Киркею от нее доставалось не меньше. Но оба шумно радовались удачам друг друга, и это сглаживало боль и усталость.

Конечно, и драки, и стрельба из лука, и метание ножа в цель, и умение владеть копьем – не самые полезные занятия для девушки, но Айдына увлеклась ими настолько, что забывала помогать тетке по хозяйству, а частенько и уваливала от своих обязанностей. Отчего Ончас

⁶ Наборные латы, часто из пластин по сукну.

злилась все больше и больше. Она не подозревала, что, взяв в руки первую стрелу, Айдына произнесла древнее заклинание мужчин:

– Моя живая стрела, выпущенная из моей руки, которая никогда не держала иголки! Лети без задержки, порази врагов с черными помыслами! Моя живая стрела, выпущенная из моей руки, которая никогда не держала наперсток! Достигни цели, не изменяя полета!

И чтобы не потерять удачу, должна была забыть и об иголке, и о наперстке, и о лопатке, которой женщины перемешивали талка ⁷ в казане.

Вместо того чтобы выкапывать корни кандыка и дикого пиона, солить на зиму черемшу и папоротник, Айдына теперь охотилась на уток, на лесную и степную дичь. А чтобы Ончас не догадалась о ее пристрастиях, выжидала, когда старуха куда-нибудь отлучится, и подбрасывала добычу в юрту. Ончас приходила в неопиcуемый восторг и принималась исступленно благодарить хранителя дома Тура Ээзи, который преподнес ей столь щедрый подарок.

В Месяц Сбора Кандык ⁸ когда солнце начинало припекать по-летнему, Ончас, как обычно, просушивала на солнце овчинные и лисьи шубы, кошмы, ковры и начищала песком медную посуду. Айдына сбежала от этих скучных занятий с Киркеем в тайгу и принесла оттуда выпавшего из гнезда скворчонка. Птенец быстро рос, а еще быстрее научился передразнивать тетушку и кричать сварливым голосом: «Пар-р-ршивая девчонка!» и «Ар-р-раки налей, ар-р-раки!». Тогда Ончас тайком подкинула его в юрту дальнего родича Магная – на радость многочисленной детворе.

Поджав губы, Ончас сообщила племяннице, что скворчонка унесла ласка. Айдына погоревала немного, но на следующий день уже забыла о птице, предвкушая новые удовольствия с верными приятелями.

Это Киркей рассказал ей, как здорово летом на горных пастбищах. А он умел рассказывать так, что Айдына будто наяву чувствовала запахи трав и цветов, разогретой смолы и тлеющего арчина. Дымом его окуривали животных, чтобы уберечь их от злых духов.

Она с упоением слушала Киркея, потому что ни разу не бывала в горах. И в этом году она дала зарок, что непременно достигнет своей цели и отправится на пастбища еще до того, как их улус отпразднует Улуг Кюн Пазы – Праздник Летнего Солнцестояния. Конечно, ей не позволят остаться с табунщиками на все лето. Но с восхода молодой луны до ухода старой она, пожалуй, смогла бы продержаться. И с лошадьми бы управлялась не хуже Киркея. Недаром он научил ее многому из того, что должен уметь и знать опытный табунщик. Айдыне просто не приходило в голову, что Киркей и сам еще не все знал и умел, хотя его обучением и воспитанием занимался старый Салагай, а он знал толк в обращении с лошадьми.

Дело оставалось за малым: добиться согласия отца. Теркен-бег очень любил единственную дочь, но держал ее в строгости, и она побаивалась подойти к нему и заявить о своем желании отправиться на отгонные пастбища. Нужно было что-то придумать, выбрать время, когда Ончас уберется из юрты поболтать с соседками, и тогда Айдына сможет поговорить с отцом с глазу на глаз.

Одно ее беспокоило: в последнее время Теркен-бег совсем перестал замечать свою дочь. Выглядел он угрюмым, говорил мало и частенько проводил время в одиночестве, о чем-то размышляя, отчего Айдына подумала, уж не заболел ли он?

Правда, внешне Теркен-бег ничуть не изменился. По-прежнему был ловким и подвижным. Легко вскакивал на коня, попадал стрелой в перышко кедровки, а копьём сбивал на лету дикого голубя.

И все же он был неспокоен, и просьба Айдыны могла вызвать у него гнев. Девочка хорошо знала отца: в ярости он был непредсказуем и беспощаден. Словом, ей не хотелось попадать под

⁷ Талкан – ячменная каша.

⁸ Май.

горячую руку. Ведь это означало бы, что ей придется расстаться не только с мечтой, но и с Киркеем. Ончас давно угрожала рассказать брату о дружбе его дочери с сыном табунщика. И тогда судьбе Киркея не позавидуешь. Поэтому следовало выбрать подходящее время и дожждаться, когда отец станет более сговорчивым.

Глава 3

Но Айдына так и не успела поговорить с отцом. Ночью ее разбудил топот копыт, лязганье доспехов и оружия. Громко и взволнованно переговаривались мужчины, ржали лошади, пламя костра освещало юрту.

Накануне пастухи поднялись затемно и погнали табуны и стада в горы, разбудив громкими криками, воплями и ревом скота всех в округе, но Айдына не проснулась. Спала без задних ног. На то у нее была причина. Но что случилось нынешней ночью? Неужто мунгалы напали на табунщиков и угнали отцовских лошадей в горы?

Айдына бросилась к выходу из юрты, выглянула наружу. Моросил мелкий дождь, низко нависли серые тучи. «Э-с-са-а-а! Й-а-а-а!» Дружинники с места направили коней в галоп, но она успела разглядеть притороченные по бокам лошадей большие тюки и успокоилась. Воины ее отца предпочитали воевать налегке. Отчего ж тогда они спешили? Почему сорвались ночью? И что было в тех тюках, которые они увезли с собой? Ясак? Но он выплачен по весне зимними соболями и лисицами. Или там доспехи и оружие, которые без устали ковали кузнецы-дарханы?

Словом, сразу вопросов двадцать возникло в ее голове, но тут Ончас поймала Айдыну за подол рубахи и заставила вернуться в постель. Сжавшись комочком под верблюжьим одеялом, Айдына сквозь полуоткрытые веки наблюдала, как старуха раздула огонь в очаге, присела перед ним на корточки и вынула из кармана узенький, продолговатый кожаный кисет, в котором вместе с табаком хранилась медная трубка – ганза. Но в этот раз вместо табака Ончас извлекла из кисета темный комочек китайского «шара», смешанный с мелко измельченной чагой, чтобы не было дыма. Набив трубку, выудила из огня уголек, положила на устье ганзы, закурила, щелчком сбила уголь и, набрав в рот воды, пару раз сильно затянулась. И тут же упала чуть ли не головой в очаг. Видно, от дыма у нее перехватило дыхание, и Ончас потеряла сознание.

Айдына, схватив ковш, бросилась к тетке и окатила ее водой. Та застонала, выгнулась несколько раз, а затем принялась колотить руками и ногами по кошме, закатывать глаза и сипеть, словно ей передавили горло: «Орыс-с-с! Орыс-с-с!»

– Ончас! Ончас! – Айдына присела рядом с ней на корточки. Тетка продолжала выгибаться, но Айдына знала – это не падучая. Все оттого, что старуха накурилась, не думая о последствиях. Платок сполз у нее с головы, три тонкие седые косички растрепались⁹ Она уже не хрипела, а что-то быстро-быстро бормотала сквозь стиснутые зубы. В уголках рта показалась желтая пена, но девочка не посмела помочь Ончас. Видно, в нее вселился злой дух айна, и тетка сражалась с ним изо всех сил. А если Айдына вмешается в их потасовку, айна непременно привяжется к ней самой.

Наконец Ончас перестала выгибаться и кричать. Исчезла жуткая гримаса на лице, и через некоторое время она открыла глаза и с недоумением уставилась на Айдыну:

– Почему не спишь?

Айдына вздохнула и протянула ей трубку:

– Опять змеиный помет куришь? Хочешь, чтоб айна тебя в Нижний мир забрал?

Старуха сердито хмыкнула, вырвала трубку и вставила медный мундштук в рот.

– Учить меня вздумала, девчонка? Спать иди!

Но Айдына знала, что сейчас Ончас слаба и ругается больше для порядка. Надо немного подождать, а лучше всего напоить тетку чаем. Тогда она успокоится и наверняка расскажет,

⁹ Три косички носили старые девы.

куда ее душа-хут слетала, с кем встретилась, от кого отбилась. Кто этот загадочный Орыс, добрый или злой дух? И почему Ончас так настойчиво его призывала?

Еще Айдына знала, что любопытство до добра не доводит, но Ончас и раньше курила табак, и «шар» потребляла часто. И не раз, резко затянувшись, теряла сознание, и судороги терзали ее намного сильнее, но никогда при этом тетка не вопила «Орыс-с-с!».

Девочка подала Ончас пиалу с чаем, добавив в него густых сливок. Знала ведь, как угодить усталой тетке. Старуха, брызнув чаем в огонь, забормотала:

– Матушка-Огонь, От Ине, тебя кормим! Удачи и счастья нам дай!

Пламя весело взвилось и опало. Хозяйке огня понравилось угощение. Когда огонь свистит, От Ине голодна и сердита. Нужно немедленно ее накормить, иначе быть беде. Вспыхнет костром юрта, пойдет по лесу пал...

Но сейчас огонь пару раз встрепенулся и спрятался под затянутые серым пеплом угли. От Ине уснула до утра. Ончас, сложив губы трубочкой, шумно втянула чай и блаженно зажмурилась.

Айдына молча ждала. Наконец Ончас покончила с чаем, с довольным видом перевернула пиалу вверх дном и поставила ее на низкий столик. Айдына не проронила ни слова.

– Спать иди! – благодушно велела Ончас. – Завтра рано вставать!

– Скажи, – Айдына придвинулась к тетке и прижалась к ней, совсем как в детстве, когда чувствовала себя маленькой и одинокой, – твоя душа встретила Орыса? Кто это? Где живет?

– Орыс? – Тетка слегка отклонилась и посмотрела на племянницу. – Я с ним разговаривала?

– Нет, ты просто кричала «Орыс! Орыс!» и тяжело дышала: «Й-их, й-их!», словно кто-то гнался за тобой и хотел убить.

Ончас погладила ее по голове, что в последнее время происходило крайне редко, и тихо сказала:

– Ох, плохо я сделала. Не попросила у Хозяйки Огня уголек. Взяла без спросу. Раньше тоже ганзу курила, и черт хватал меня за подол, в тундю ¹⁰ тянул, а От Ине вокруг пояса огненным кушаком обовьется и удержит, не позволит айна утащить и съесть меня. А тут, видно, прогневалась Хозяйка. Страшное видение наслала. Серебряным солнце было, затем огненно-желтым, как смола, потом и вовсе стало черным-черным. И облака... Семь облаков... Семь Белых Волков... Наш род от них пошел. От братьев Волков. Я их всегда вижу, когда беда близко...

Ончас замолчала, прищурилась, взгляд ее стал отрешенным, словно она вернулась обратно в сон. И голос звучал глухо, без выражения:

– Слушай и запоминай. Чужие люди придут в наши края. Орысы... У них розовые лица, глаза совы и острые, как птичий клюв, носы. На лице у них много волос, а рта совсем не видно...

Тетка помолчала мгновение. Взгляд у нее потускнел вовсе, а язык заплетался, как у пьяной Порче из соседней юрты. И Айдына усомнилась, в здравом ли уме тетка. Вдруг продолжает витать в том мире, куда ей, Айдыне, пока путь заказан?

Но Ончас вновь заговорила:

– Одежда вся железная, копыа длиной по локтю, и ведут себя драчливо – вызывают всех на бой. А в руках у них палки, что извергают гром и молнии... Молния эта не только куяк, большое дерево насквозь пробивает.

– Ты все это видела? – с недоверием посмотрела на нее Айдына. – Орысы придут из Нижнего мира?

– Они придут по воде, – Ончас махнула рукой на восток, в сторону выхода из юрты.

¹⁰ Тундюк – Нижний мир.

Айдыне показалось, что висевшие на войлочной стене лапы медведя и чучело филина шевельнулись. То были амулеты – защитники от злых айна. К ним стоило приглядеться, но тайком, чтобы духи не заметили ее любопытства. Глаза филина сверкнули красным, а крылья едва заметно поднялись и опали. Колыхнулась кошма на входе, взлетело и улеглось облачко пепла в очаге.

Девочке стало не по себе. Она зябко поежилась и на всякий случай коснулась пальцами трех раковин каури, нашитых на рубаху возле сердца. Она хоть и не ребенок, но Ончас строго следила за тем, чтобы Айдына их не теряла: каури с детства хранили ее от порчи и сглаза.

– По Великой Реке поднимутся, – продолжала Ончас. – Лодки у них огромные, больше, чем юрта. Непременно надо жертву Суг-ээзи принести, обряд провести, чтоб не пропустила Хозяйка Воды орысов в наш аймак. Пропустит – быть такой беде, что ковшиком Читеген не вычерпать!

Айдына плохо слушала Ончас, вспомнив вдруг, что уже слышала слово «орыс». Но тогда не придала ему никакого значения, может, потому, что не испытывала тревоги, а просто радовалась долгожданному теплу, пению птиц, запахам оттаявшей земли и первоцветам, накрывшим бурую степь желто-голубым маревом...

* * *

Шел Месяц Кукушк ¹¹ С каждым днем становилось теплее. Деревья покрылись зеленым пухом молодой листвы. По поверью в это время нельзя выходить из юрты голодным, иначе весь год будешь голодать.

На родовой горе в канун новолуния вкопали священную березу, навесили на нее разноцветные ленты – челомы. В молении «Таг тайых» участвовали только мужчины улуса. Они просили у предков плодородия и принесли в жертву белого коня – ызыха и белого ягненка. Моления продолжались два дня и две ночи. Вечером, накануне праздника, шаман камлал в юрте Теркен-бега. На второй день Ирбек тоже камлал, но уже на месте жертвоприношения, и не с бубном в руках, а с березовой веткой – чельбегом.

Первым делом он обошел вокруг священной березы и жертвенного костра. Помощник Бырген вел следом ягненка с красной ленточкой на правой ноге. Второй помощник, Кырзе-дурачок, разбрызгивал из жертвенной чашки айран по сторонам света, остатки вылил в костер. Туда же бросали кусочки мяса от жертвенных животных. Остальное мясо варили для пиршества на другом костре. После камлания Ирбек сказал, что духи горы пообещали ему обильные дожди и много травы. А это значило, что бескормица скоту не грозит.

Женщинам запрещалось посещать моление, да и вообще приближаться во время него к родовой горе. Даже в разговоре они называли ее не иначе как «свекром». Но вечером, после первого камлания женщинам не возбранялось обслуживать гостей бега. Подносить им угощение, убирать грязную посуду, следить, чтобы не пустел бочонок с аракой. В юрте собрались чайзаны – самые богатые и уважаемые люди, и матыры – лучшие воины улуса. Они с уважением называли отца Айдыны «ажо», ели много мяса, пили араку, громко смеялись.

Тогда отец не был таким угрюмым, и Айдына не боялась заходить к нему в юрту. Тем более Ончас отправила ее с большим деревянным блюдом, на котором лежал «урсун» – сочные и горячие куски вареного мяса. Прежде чем приступить к трапезе, Теркен-бег три раза поднял блюдо над очагом: духов накормили священным паром. Впрочем, аракой их тоже напоили, брызнув из чашки в очаг, а затем к дверям и дымоходу юрты.

Прихватив пустое блюдо, Айдына направилась к выходу, невольно прислушиваясь, о чем же так возбужденно спорят ее родичи. В их речи, слегка бессвязной из-за обилия выпитой

¹¹ Апрель.

араки, сквозили непонятные слова: «хазах», «острох» и то самое, что выкрикивала тетка – «орыс». Девочка почти ничего не поняла из того, что кричали друг другу гости отца, но почувствовала, что эти слова дурные и не сулят ничего хорошего людям ее улуса.

Почувствовала, но быстро об этом забыла, и лишь после рассказа тетки заволновалась по-настоящему. Возможно, сыграл свою роль стремительный и непонятный отъезд отца и его дружинников. Вернувшись в постель, Айдына долго не могла заснуть. Беспокойные мысли продолжали крутиться в голове. До сей поры она знала, что беда чаще всего приходила с запада. Там жили черные джунгары-калмаки, их еще называли ойротами, которым улус Теркен-бега платил ясак пушниной, железными изделиями и военными доспехами.

С востока к границам родовых земель нередко подступали мунгалы Алтын-хана. В битвах с ойротами мунгалы растеряли свое величие, но отнюдь не желание поживиться за чужой счет. Еще дед Айдыны перестал платить им албан. Но Алтын-хан не успокоился. Мелкие отряды его нукеров проникали на земли аймака, и то табун угоняли, то отару. Жителей аалов они тоже не щадили. И если не уводили в рабство, то вместе со скотом забирали одежду, постель и даже деревянные лопатки для выкапывания кандыка и сараны, оставляя людей на голодную смерть. А в прошлом году убили есаула и четырех дружинников бега, которые возвращались из таежных кыштымских аалов с богатой данью. Напавших удалось отбить, но при этом Теркен-бег потерял двух матыров, а Чайсо был ранен в ногу и ходил теперь, сильно хромая.

Айдына не заметила, как уснула, и во сне увидела огромных, ростом до неба людей с железными головами и круглыми свиными глазами...

Утром солнце, поднявшись на высоту аркана, проникло в юрту. Солнечный луч подкрался к изголовью ее постели. Запах жареного зерна защекотал ноздри, и Айдына быстро открыла глаза. Тетка уже не спала, возилась возле очага, варила талкан – любимую кашу Айдыны из молотого ячменя. На низком столике стояла деревянная чашка со свежими сливками. В другое время Айдына первым делом принялась бы за завтрак, но сегодня вместо этого она снова подступила к тетке с расспросами. Ончас уже пришла в себя. В ответ на приставания племянницы старуха сердито ворчала или делала вид, что занята делами и не слышит того, что ей кричали в ухо.

Айдына не отставала, и тогда Ончас так рассердилась, что попыталась огреть ее своей палкой. Девочка увернулась и, как кабарга, сиганула через невысокий плетень, окружавший загон с ягнятами.

– Глупая сорока! – кричала ей вслед Ончас. – Зашей свой рот нитками, чтобы ни одно слово не вылетало из него! Накинь аркан на свой длинный язык!..

Ончас так разгневалась, что не заметила под ногами кусок каменной соли, споткнулась и выронила трубку, которую носила за голенищем сапога. Тетка вмиг забыла о проклятиях и принялась шарить в траве, чтобы отыскать драгоценную ганзу. В это время Айдына в сопровождении верного Адая благополучно скрылась среди деревьев. В отсутствие Киркея пес становился ее единственным другом и защитником. Одно огорчало Айдыну – лохматый приятель хотя и понимал ее с полуслова, но совсем не умел разговаривать.

Держась за мохнатый загривок, Айдына бегом миновала каменную россыпь и скрылась в кустах ольхи, которыми зарос глубокий и сырой овраг. Прошлепала босыми ногами по мокрым камням почти пересохшего ручья, схватившись за ветку, подтянулась и оказалась в гроте на склоне горы. Вход в него закрывали ветки той же ольхи, и Айдына не боялась, что Ончас обнаружит ее убежище. Впрочем, тетка даже в приступе гнева не рискнула бы спуститься в овраг. Она плохо видела, и Айдына частенько этим пользовалась, особенно когда Ончас была не в духе.

Сверху, несмотря на густой заслон ветвей, противоположный край оврага хорошо просматривался, и Айдына притаилась, вся обратившись в слух.

– Айдына, грязная девчонка! – не унималась тетка. – Пусть мой след зарастет травой, если я не скажу твоему отцу, что ты со мной вытворяешь!

Она била палкой по кустам и бросала в них камни, хотя понимала: племянница вряд ли прячется под носом. Небось ускакала в самые заросли, где полно всякой нечисти, а змей и вовсе видимо-невидимо.

Наконец Ончас надоело воевать с кустами. Она присела на камень, вытянув больную ногу. Айдына прыснула в кулак. Хитрая Ончас решила ее обмануть. Ишь затаилась! Только племянницу вокруг пальца не обведешь. Из ее убежища хорошо заметен кумачовый платок тетки. Так и полыхает сквозь зелень.

Адай, как всегда, настороже лежал у входа и прислушивался к крикам тетки. Но стоило ей замолчать, пес мигом улегся возле ног хозяйки. И тут же принялся возиться и яростно выкусывать блох.

Айдына толкнула его ногой и прошипела:

– Тихо!

Адай виновато глянул на девочку и положил большую голову на вытянутые лапы.

Ончас с трудом поднялась на ноги, покряхтела, держась за спину, затем некоторое время крутилась на краю оврага, озираясь по сторонам, снова пыталась раздвинуть палкой кусты, но не уходила. Видно, сильно разозлилась на Айдыну и решила на этот раз не давать ей спуска.

Девочка довольно ухмыльнулась. Попробуй, найди! И отодвинулась в глубь грота. Там лежала старая кошма и виднелись остатки костра. А у стенки сохранилась поленница березовых дров, которые принес Киркей. Грот частенько скрывал его от гнева старших братьев и воплей невесток. Родители мальчика замерзли в пургу, и теперь он попеременно жил в семье то одного, то второго, то третьего брата, что, несомненно, не нравилось их женам. Да и кому люб лишний рот, особенно в морозное время, когда все сидят впроголодь.

Зимой грот был недоступен, но Киркей умудрялся перебраться через заметенный глубоким снегом овраг, вскарабкаться по обледеневшим камням и даже замаскировать вход в убежище вырезанными из снега кирпичами. Киркей строго-настрого приказал Айдыне не появляться вблизи оврага: вокруг рыскали голодные волчьи стаи. Но Айдына не оставляла его в беде. Это она утащила у Ончас кусок старой кошмы и частенько подкармливала приятеля, подчищая закрома тетки. Сочный ха¹² сушенный сыр хурут, который Ончас хранила в кожаных мешках, или жирная колбаска харты – все, чем потчевали в юрте Теркен-бега, частично оказывалось в тайнике, где Айдына прятала припасы для Киркея.

Ончас продолжала что-то кричать вдалеке, видно, призывала лесных и горных духов разумить негодную племянницу, но Айдыну мало смущали вопли старой тетки. Ее беспокоило другое...

Она приподняла край кошмы. Под ней в кожаном кисете хранился амулет, подаренный Киркеем: деревянные бусы «пос мончук», пропитанные струей кабарги, – сильнейшим средством от порчи и сглаза, болезней и всякой нечисти, которая просто обожала овраги и пещеры. Надеть оберег девочка не посмела, потому что его носили только мужчины и воины. Айдына вздохнула, рассматривая амулет. Весь грот мгновенно наполнился вонью. Понятно, почему его не любят айна! Но ведь он может распугать и добрых духов? Правда, Киркей ничего не говорил об этом, но девочка на всякий случай вернула бусы в кисет. Ничего, скоро наступит день, когда она наденет этот амулет с чистой совестью. И никто не упрекнет ее, потому что она непременно станет воином! А против нечисти будет у нее волшебная стрела «хосто» – девятиглазая, девятихвостая, та, что понимает человеческий язык. Дальнобойная, огнедышащая «хосто» сама настигнет врага и вернется к хозяину. Все богатырши из сказаний Салагая владели «хосто», от наконечника которой в полете загоралось красное пламя, а от хвоста валил черный дым.

¹² Хан – кровавая колбаса.

Как все девочки ее возраста, Айдына любила мечтать, но сейчас ее мысли были заняты другим. Здесь, в тиши лесного урочища, вдали от сварливой тетки, она сможет, наконец, спокойно разобраться в том, что случилось позапрошлой ночью и растревожило ее даже больше, чем странный отъезд отца и видения Ончас...

Глава 4

Весна была на исходе. Ночи становились теплее, дни – жарче, а снег сохранился лишь на самых высоких тасхылах. Киркей вместе со старшими братьями дни напролет занимался подготовкой табуна к отгону на летние пастбища. Несколько раз Айдына видела его издалека, но подойти не решилась. Ее друг и два взрослых табунщика клеймили недавно родившихся жеребят. А по ночам Киркей дежурил возле готовившихся ожеребиться кобыл. Это были кирче – капризные длинноногие создания. В отличие от посхи рожали они тяжело, и жеребят от них приходилось подкармливать молоком других кобылиц, пока гнедые и чалые красавицы приходили в себя. И хотя Айдына очень скучала по Киркею, она не осмелилась отвлечь юного друга от его взрослых забот.

Но вечером, накануне откочевки на пастбища, она услышала знакомый посвист. Старая Ончас уже спала, и даже рев десятка маралов не мог потревожить ее сон. Айдына осторожно приоткрыла дверь и выскользнула из юрты.

Под копытами вставших на дыбы лиловых облачных коней мирно догорал закат, смывая с темных сопот вечерний загар. В мутной дымке терялись очертания юрт, тускнела трава, а деревья и кусты тонули в синеватом сумраке.

– Киркей? – прошептала она, вглядываясь в темноту кустарников, затянувших опушку леса. – Ты где?

Мелькнуло впереди неясное пятно. Киркей, пригнувшись, преодолел поляну, на краю которой стояла юрта Ончас и Айдыны, и взял девочку за руку. Тонкий месяц только-только взошел над лесом, но его света хватило, чтобы Айдына смогла рассмотреть, что Киркей в новой рубашке и штанах, а его косица на темени прикрыта кожаным колпачком. Так одевались мужчины их рода. Айдына вдруг подумала, что Киркей повзрослел и теперь у него другие увлечения и занятия, а детские забавы остались в прошлом. Но Киркей, видно, был другого мнения.

– Пошли, – сказал он быстро и потянул ее за руку в сторону леса. – Утром мы уйдем с табуном на Айлу. Уйдем с рассветом, ты еще будешь спать. Мы очень долго не увидимся, потому что брат не позволит мне отлучаться из табуна.

– Я провожу тебя, – уперлась Айдына и попыталась освободить руку. – Я рано встаю. С первыми лучами солнца.

Киркей недовольно поморщился и только крепче сжал ее ладонь.

– Ончас еще раньше просыпается. Она бродит босиком по росе и собирает паутину с деревьев. Она варит зелье и опрыскивает им тропинки, которые ведут в твою юрту.

– Зачем? – поразила Айдына. – Я никогда не видела, чтобы она собирала паутину.

– Не видела, потому что спишь, как росамаха в жаркий день. Салагай говорит: паутина – хорошая защита от злых духов. Ончас боится, что Эрлик-хан уведет тебя в Нижний мир, как увел уже твою мать и брата.

– Не болтай! – рассердилась Айдына. – Хочешь напугать меня? А я ничего не боюсь.

– Не бойшься? – засмеялся Киркей. – Почему тогда не хочешь идти со мной? Ты ведь каждый день бегаешь здесь по тропинкам. Помнишь, как ты маленькой заблудилась? Лесные духи повели тебя вокруг опушки, а затем вывели на тропинку. Они тебя любят, поэтому не тронули, не забрали с собой.

– Я не заблудилась, – тихо сказала Айдына. – Я была на озере. Там живет Хыс Хылы¹³ Она подлетает к берегу и разговаривает со мной. На своем языке, но я его понимаю.

¹³ Хыс Хылых – фламинго.

– И что же она тебе говорит? – смерил ее насмешливым взглядом Киркей. – Только камы умеют разговаривать с птицами и зверями. Все ты выдумала! Сколько раз я был на том озере и никакой Хыс Хылых не видел. Никто ее не видел!

Айдына сердито выдернула руку из его ладони.

– Раньше ты верил мне. Уходи, я тебя видеть не хочу!

– Айдына, – укоризненно посмотрел на нее Киркей, – не сердись! Я не против посмотреть на Хыс Хылых! Может, она и впрямь живет на озере?

– А если она улетела? Вдруг кто-то спугнул ее? И ты снова станешь смеяться надо мной?

Айдына перевела взгляд на темный лес. Там, за горным ущельем, среди деревьев скрывалось озеро, на котором она несколько раз видела Хыс Хылых. Но никто почему-то не верил ей. Все говорили, что розовые птицы давно перевелись в их краях. Видно, обиделись на людей и стали кочевать в других местах.

Она ни разу не бывала на озере ночью, потому что с пеленок знала: это не лучшее время для прогулок. С наступлением темноты на охоту выходили не только звери, но и злые айна, а в новолуние горные и лесные люди искали себе невест, поэтому девушкам не стоило появляться в лесу и приближаться к большим камням. Горные люди любили прикидываться обломками скал, а лесные – пнями или крупными корягами.

– Понятно, ты все-таки струхнула и не хочешь в этом признаться? – плутовато усмехнулся Киркей.

Он знал, хитрец, как заставить Айдыну сделать что-то даже против ее воли. Нужно было заподозрить ее в трусости. Подружка тогда расходилась не на шутку: щеки ее краснели, глаза превращались в щелки и метали искры в негодника, посмеявшегося оскорбить ее. В этом состоянии она совершала отчаянные поступки, узнай о которых Ончас непременно сошла бы с ума от ярости. Правда, Киркей редко решался на это. Айдына не прощала обид и могла крепко огреть камчой, которую, как Ончас трубку, всегда носила за голенищем сапога. Вот и сейчас она выхватила плетку и замахнулась на Киркея, но тот ловко увернулся и схватил ее за запястье.

– погоди, – Киркей виновато улыбнулся. – Мы поедem верхом! Так быстрее! И горные люди вряд ли нас догонят...

Он продолжал удерживать ее за тонкие пальцы, и Айдына, негодуяще фыркнув, выдернула руку, но камчу на место не вернула.

– Ты тоже боишься айна, – сказала она ворчливо. – Но у тебя в голове дует ветер. Если айна проникнет в твое ухо, то свободно вылетит в другое. Тебе нечего бояться!

– Тем лучше, – Киркей лукаво прищурился. – Я отвлеку айна на себя, и ты будешь в безопасности.

Он сделал шаг в сторону и свистнул. Тут же из кустов, всхрапнув, выступил конь. Айдына с удивлением узнала в нем Чильдея – лучшего скакуна в отцовском табуне.

– Киркей! – испуганно вскрикнула она. – Отец убьет тебя, если узнает, что ты взял Чильдея без спроса.

Киркей подвел коня к Айдыне.

– Дочери бега не положено ездить на посхи. Никто не узнает, что я взял Чильдея. Табунщики напились харачина и спят без задних ног. А собаки, что сторожат табун, разговаривать не умеют.

Он взял Айдыну за плечо. Глаза его смотрели строго.

– Если Ончас хватится тебя, она поднимет дикий крик, поэтому нужно спешить!

– Спит Ончас, – сухо заметила Айдына и птичкой взлетела в седло. – И до утра не проснется! – Затем сверху вниз посмотрела на Киркея. – А ты побежишь рядом с Чильдеем?

Она резко свистнула и дернула за поводья. Чильдей заржал и поднялся на дыбы. Айдына едва не вывалилась из седла. Киркей перехватил у нее поводья и похлопал жеребца по шее:

– Спокойно, Чильдей! Спокойно!

Жеребец снова заржал, но уже не так гневно, лишь недовольно скосил глаз и нервно переступил ногами.

– Ему не нравится, что в его седле женщина. Он ведь не знает, что ты дочь его хозяина.

Киркей схватился за луку седла и ловко вскочил на коня. Теперь он сидел за спиной Айдыны, обнимая одной рукой ее за талию, а другой – удерживая поводья.

– А если я тебя украду? – тихо сказал Киркей и теснее прижал Айдыну к себе. – Увезу в горы, и там ты станешь моей женой. – Его рука скользнула ей под рубаху и легла на грудь.

Айдына замерла. Впервые рука мужчины касалась ее тела. Она была горячей и влажной от пота, эта рука. Но Айдыну пробрал озноб. Она сжалась в комок, не зная, как поступить. Чильдей недовольно фыркал и перебирал ногами. А прикосновения Киркея стали настойчивее и бесстыднее. Он сжимал и больно тискал ее грудь. Айдына ойкнула, прикусила губу, но почему-то не оттолкнула его, а, наоборот, прильнула к Киркею спиной и только тихо постанывала, когда его губы прижались к ее шее и юноша стал покусывать тонкую нежную кожу. У нее перехватило дыхание. И Айдына еще сильнее приникла к Киркею.

В глубине леса резко прокричала ночная птица, а потом забубнила, заняла, словно оплакивала покойника. Эти звуки вмиг привели Айдыну в чувство.

– Отпусти, – тихо сказала она и отвела руки Киркея. – Ты плохое задумал. Адай тебя загрызет, если снова приставать будешь.

И тряхнула головой, отчего ее сорок косичек пришли в движение, а перламутровые пуговицы в наконсниках процокали: чок-чок-чок!

Легкий на помине пес выбежал из кустов и недовольно гавкнул.

– Тише, Адай! – Киркей спрыгнул с коня и потрепал пса за загривок. – Никто твою хозяйку не обидит.

Чильдей опять переступил ногами, фыркнул и потянулся губами к кусту. Киркей перехватил его за узды и тревожно посмотрел на Айдыну:

– Ты мне не ответила. Что будет, если я тебя украду и увезу в горы?

Айдына уже пришла в себя окончательно и, спрыгнув с коня, весело рассмеялась.

– Ты совсем глупый, Киркей? Батыры отца догонят нас еще до того, как солнце поднимется на конский повод. Тебя зарежут, освежуют, как барана, а череп повесят на дерево, чтоб глаза выклевали птицы.

– Я знаю, – со вздохом произнес Киркей, – но я все равно убью того, кто возьмет тебя в жены, а сам сбегу к мунгалам. Твой отец еще попомнит меня. Я его оставлю без скота и табунов.

– Нет, ты вовсе дурак, – рассердилась Айдына. – Я разве сказала, что хочу замуж за тебя? Мне еще рано! Даже Ончас не заводит об этом разговор.

– Заведет! – с тоской сказал Киркей. – Я вчера нечаянно услышал, как Ирбек разговаривал с Чайсо. Кам говорил, ойроты хотят, чтобы наш улус платил в два раза больше албан. А то пойдут войной...

– Они каждый год воевать хотят, – прервала его Айдына, – но отец умеет договариваться. Отвезет подарки контайши. Как в прошлом году: халат с золотой вышивкой, соболью доху и пять лучших жеребцов. Ойроты ценят наших кирче.

– Ты не дослушала, – с упреком посмотрел на нее Киркей. – Мунгалы тоже требуют албан. По пять соболей с каждого лука, то есть с каждого взрослого мужчины, охотника. А еще котлы, таганы, стремяна, удила, наконечники для стрел, ножи, тавра... Очень много требуют. Говорят, давно не платили. Большой албан накопился.

– Отец никогда не станет платить дань алтын-ханам, – гордо вскинула голову Айдына. И усмехнулась: – Как много ты узнал! Неужто Чайсо не заметил тебя?

– Ну-у, – Киркей смущенно улыбнулся. – Ирбек злых духов отгонял, жеребят арчином обкуривал... В жертву барана принесли, харачина напились...

– Понятно, – усмехнулась Айдына, – от харачина в голове туман, а язык, как лента, на ветру развеивается.

– Ты долго будешь смеяться? – обиделся Киркей. – Я ведь главное не сказал.

– Так говори, – рассердилась Айдына, – а то вдруг Ончас проснется. Хватится, что меня в юрте нет...

– Чайсо сказал, – Киркей отвел взгляд, – что твой отец хочет породниться с ойротами. Он решил отдать тебя в жены Дангур-тайше.

– Дангур-тайше? Он же старик! – изумленно вскрикнула Айдына. – У него пять жен. – И с подозрением уставилась на Киркея. – Зачем смеешься надо мной? Этого просто не может быть!

– Я не смеюсь, – с горечью произнес Киркей и посмотрел на Айдыну. В глазах его блеснули слезы. – Это сказал брат твоего отца. Другому я не поверил бы. И еще он сказал, что за тобой приедут, когда Ульгер поднимется на неб¹⁴ и табуны вернутся с пастбищ. Сваты привезут много дорогих подарков, а у меня нет ничего, чтобы посвататься к тебе. Да и кто отдаст дочь бега за бедного кыштыма?

– Я не верю тебе! – Айдына гордо вздернула подбородок. – Отец всегда говорил, что выдаст меня замуж в ближний улус.

– Ну, когда это было! Наверно, передумал, – скривился Киркей. – Отдаст тебя шестой женой хромому старику, зато меньше албана платить станет. И мунгалы не посмеют нападать на родственника тайши.

– Ты хочешь сказать, что отец променяет меня на вонючие шкуры? – Айдына вся подобралась и сжала рукоятку камчи. – Единственную дочь?

– Не веришь? Спроси у отца, – пожал плечами Киркей.

– Я спрошу, – Айдына задохнулась от злости и намотала камчу на кулак. – Я у Чайсо спрошу. С чего вдруг он разговорился? И с кем? С Ирбеком, которого ненавидит...

– Ирбека все боятся, – тихо сказал Киркей и отвернулся. – Салагай говорит, что он никогда не был белым шаманом. Белой шаманкой Арачин была твоя мать. Очень сильной шаманкой. Девять шаманских кос она имела и девять бубнов, а у Ирбека только одна косичка, и бубен тоже один. Ирбека она даже в помощники не брала. Но ее забрала Суг ээзи – Дух воды. И тогда Ирбек сказал, что тэси Арачин перешли к нему и велели шаманить. Но я ему не верю.

– Я не боюсь Ирбека, – фыркнула Айдына. – И отец не боится!

– Салагай говорит: Ирбек – чех-кам, плохой шаман, пожиратель душ, а еще он знается с албысами и шулбусами, – насупившись, продолжал Киркей. – Кто с ними встретится в тайге или в степи, в зверя превращается, в людоеда.

– Не мог Салагай такое сказать! Его глаза только солнце видят, – не сдавалась Айдына. – Чудищ многие встречали, даже Ончас, но она ж не стала людоедкой? Ирбек – хитрый, и глаза у него злые. Но он ничего плохого не сделал. Людей и скот лечит. Салагай ошибся, наверно.

– Может, и ошибся, – пожал плечами Киркей. – Старый совсем стал. Боюсь, до зимы не доживет.

– Всему свое время, а упустишь время, пользы никакой! Всему своя мера, а не выдержишь меры, толку никакого! – нараспев произнесла Айдына и, прищурившись, посмотрела на Киркея: – Так мы едем на озеро? Или ты передумал?

Громко гавкнул Адай, напоминая о себе. Опять переступил ногами Чильдей и сердито фыркнул. И вновь закричала ночная птица. На этот раз тоже сердито. Айдына невольно вздрогнула и поежилась.

Киркей обнял ее за плечи, привлек к себе.

– Это филин, – сказал он тихо. – Предупреждает, что злые духи вышли на охоту.

¹⁴ В сентябре.

Айдына выскользнула из его объятий. Она и без Киркея знала, что не к добру кричит филин в новолуние. Быть беде! Но продолжала настаивать на своем:

– Я хочу на озеро. Поехали, раз обещал.

Киркей покачал головой и, вскочив на коня, подал ей руку. Мгновение – и Айдына вновь сидела в седле, только Киркей уже не обнимал ее за талию. И она тоже старалась не слишком прижиматься к нему. Чильдей шел ходко, словно и не нес на себе двух всадников. Адай рыскал в кустах, вспугивал мелкую лесную живность, иногда смачно чем-то хрустел, чавкал и довольно порывивал.

Низкий туман затянул еле заметную тропинку, которая вела сквозь неглубокое ущелье к озеру, что разлеглось у подножья горы Унастах – высокой сопки, поросшей корявым лесом. Киркей управлял конем осторожно, излишне поводья не натягивал. Он был сосредоточен и строг. Видно, боялся, что Чильдей переломает ноги на камнях, усеявших дно ущелья. Камни были мокрыми и скользкими, покрыты зеленым мхом и слизью. И чтобы жеребец не нервничал, Киркей повторял раз за разом:

– Спокойно, Чильдей! Тихо! – и похлопывал его по шее.

Тропа то и дело пересекала ручей. Из-под копыт жеребца веером летели брызги, штаны и подол рубахи намокли, но Айдына держалась стойко. До озера совсем близко. Там хороший берег и много хвороста. Можно развести костер и согреться.

В ущелье пахло сыростью и гнилым деревом. Дух ветра резвился в вершинах берез и лиственниц, трепал их лохматые кроны, ронял старые сучья на тропу. В небе одна за другой вспыхивали звезды и сразу начинали перемигиваться, точь-в-точь как старые сплетницы Чобых и Сасхан – подружки Ончас.

Тонкий, не толще орлиного пера, месяц, словно легкий каяк, мчался по небу, то теряясь среди облачных бурунов, то появляясь, но не отставал от Чильдея ни на шаг. Каменистые склоны, кусты, валуны постепенно затягивал серый морок – зыбкий, мутный, как брага. В нем плавилась, таяли тени, и все вокруг менялось: знакомые прежде коряги тянули из темноты когтистые лапы; нагромождения камней смахивали на готовых к прыжку уродливых чудовищ. И даже эхо не звенело, не дробилось в ответ на цокот копыт по камням, а глухо ухало, словно там, в темноте ночи, просыпался кто-то огромный и, зевая, кряхтел, разминая большое тело.

Айдына бросала быстрые взгляды по сторонам, страшась увидеть то чудное, непонятное, что в детстве сверкало из мрака огненным глазом или молча разевало клыкастую пасть. Айдына тогда кричала не своим голосом и засыпала, только схватившись за руку Ончас. Она совсем не помнила мать. Арачин погибла вместе с пятилетним сыном Кочебаем одиннадцать лет назад по весне, переправляясь через бурный поток. Тогда все речки словно сошли с ума. Люди тонули, много людей... А Суг-ээзи, наверно, потирала руки, радуясь богатой добыче.

С тех пор за Айдыной присматривала Ончас – старшая сестра Теркен-бега. И все же где-то в дальних уголках памяти девочки нет-нет да всплывал голос: тихий, печальный, и кто-то принимался нежно гладить ее по голове и что-то приговаривать. Айдына знала: это не Ончас. Старуха была скупа на ласку и скорее надрала бы ей уши, чтобы не гладить по голове. Поэтому и не рассказывала ей племянница о своих страхах, боясь получить трепку.

Тетка не уставала твердить, что послушных детей злые духи обходят стороной, а вот проказливых сорванцов наказывают. Отчего те срываются с деревьев, падают в ямы, их жалит крапива и кусают осы, бьют рогами козы и лягают лошади. Синяки у Айдыны не сходили, тетка сердилась все сильнее. И все чаще, не надеясь на духов, таскала племянницу за отросшие косички.

Айдына росла среди бескрайних ковыльных степей и каменистых сопки, затянутых лиственничными и березовыми лесами. Осенние схватки маралов, трубные крики сохатого, рев медведей и вой голодной волчьей стаи ее не пугали. От диких зверей можно отбиться, но яростные стихии: суховеи и ливни, гололеды и пурга, заносившая юрты до самого дымохода, голод и

страшные болезни – против них человек бессилен, потому что их порождают духи – капризные и злопамятные.

Даже обильные жертвоприношения порой не могли побороть их желания наказать людей за причиненные обиды. Духи всегда отличались коварством и очень быстро из друзей превращались в недругов. Поэтому их постоянно кормили, задабривали подарками, посвящали им животных – ызыхов, развешивали ленточки-челомы на священных березах...

Впереди показался выход из ущелья. Огромная звездная отара растеклась по небу. Бесшумно скользили редкие облака. И молодой месяц, обогнав Чильдея, качался на них, как на волнах, словно набирался сил перед новым заплывом.

А под ним лежала степь – ночная, сонная, напоенная дурманными запахами полыни и ирбена, отдающая дымком очагов и конским потом. Выйдешь из юрты поутру и – вот она, степь, как на ладони! Серая еще, синяя по окоему, в полудреме она потягивалась, как живая, тянула зеленые руки к теплу, к солнцу. Откликаясь на ее зов, лазоревым маком разгоралась на востоке заря, а на круглый войлочный намет юрты ложился первый солнечный отблеск, теплый, как ячменная лепешка, только что испеченная Ончас.

Утром от степи веяло талканом и теплым молоком. Посвист ветра в дымоходе юрты, песня жаворонка в вышине, орлиный клекот над головой, тихое ржание табуна и вздохи проснувшихся в загоне овец – все это тоже было степью – дикой, свободной! Ее степью, Айдыны...

Хорошо светлый бог Тигир землю устроил... Да, хорошо! Только вот с духами бы разобрался. Особенно с теми, что подчинялись лишь зловредному Эрлику – владыке Нижнего мира.

Айдына вздохнула. Как ни старалась она отвлечься, страхи не отпускали. Она уже жалела, что настояла на своем. Но попросить Киркея, чтобы он повернул Чильдея обратно, не решалась. Боялась насмешек.

– Я позавчера видел, как месяц родился, – тихо сказал Киркей за ее спиной. – Небо вспыхнуло, я сразу упал. Под плечо попался камень. Я его схватил и успел загадать желание.

– Опять врешь, в первую ночь новолуния месяц только собаки видят, – засмеялась Айдына. И страх тотчас улетучился.

– Не веришь, не надо, – обиделся Киркей. – Но когда мое желание исполнится, ты очень сильно удивишься и, наверно, пожалеешь.

– Как я узнаю, что твое желание исполнилось, если ты не говоришь, что загадал? – Айдына пожала плечами. – Или опять соврешь?

Но Киркей не успел ответить. Яркая вспышка ударила по глазам. Айдына вскрикнула от неожиданности и чуть не вывалилась из седла. Из-под копыт Чильдея взметнулся столб света и ушел напрямиком в небо – дрожащий и серебристый. Жеребец дико заржал, вскинулся на дыбы.

– Тихо! – заорал Киркей и натянул повод.

Айдына схватилась за луку седла. Но Чильдей так поддадал крупом, что оба всадником кубарем покатались по траве. А жеребец победно заржал и, взбрыкивая, понесся в обратную сторону...

Айдына сильно ушибла руку и, не поднимаясь с земли, принялась ее растирать, морщась от боли.

– Чильдей! – несколько раз позвал коня Киркей, но жеребца и след простыл, видно, махнул в родной табун.

Киркей подошел и присел на корточки рядом с Айдыной.

– Что это было? – спросила она.

– Не знаю. – Киркей нахмурился. – Может, чья-то душа бродит, или шаман пролетел. Они ведь по ночам летают.

Из камышей выбежал Адай, набросился на хозяйку, норовя лизнуть в лицо. Айдына ругалась, отталкивала пса, от которого несло псиной и сыростью, а лапы были мокрыми и грязными.

– Вон озеро, – сказал Киркей, – недалеко! Пойдем, что ли, на Хыс Хылых смотреть?

Впереди тускло отсвечивало водное зеркало. Тихо шуршали камыши, шумели прибрежные ивы. Честно сказать, Айдыне расхотелось идти на озеро. Нужно было как-то возвращаться назад. Обычно этот путь занимал у нее много времени даже днем, а по темноте дорога была во сто крат труднее, скользкие камни опаснее, заросли непроходимее, а комары злее. В лучшем случае они вернутся в аал к рассвету. О худшем Айдына предпочитала не думать и ничего не сказала Киркею о своих тревогах.

– Пошли, – просто сказала она и, не выпуская камчу, первой направилась по тропинке, что вела к озеру.

Ей очень хотелось взять Киркея за руку, но она не позволила себе даже малую слабость. И хотя душа уходила в пятки, по тропе она шла первой, а Киркей покорно следовал за ней.

Волны лениво плескались о берег. Воды озера отливали серебром, и все же было очень темно. Множество звезд на небе едва пробивали черноту ночи.

– Нет тут никакой Хыс Хылых, – проворчал за ее спиной Киркей. – Надо костер развести...

– Тсс! – дернула его за руку Айдына. – Смотри, лебеди хуу!

– Лебеди? – поразился Киркей. – Откуда!

Айдына больно ткнула его рукояткой камчи в бок. И он замер как вкопанный.

Два крупных лебедя плавно скользили по воде в их сторону. Их белое оперенье не потускнело в сумраке ночи, а казалось еще ярче на фоне темных камышей. Айдына оцепенела в странном предчувствии. Никогда она не видела, чтобы лебеди плавали ночью.

А птицы, не доплыв до берега на длину камчи, принялись вдруг описывать круги по воде, пронзительно крича и взмахивая крыльями.

– Они прогоняют нас, – выдохнул Киркей, сам еле живой от страха. – Смотри, они сердятся. Пошли, как бы чего не вышло...

Он оглянулся, услышав странный звук: то ли рык, то ли хрип. Адай припал на передние лапы. Шерсть на холке стала дыбом. Оскалившись, пес рычал и крутил головой. Из рта у него текла слюна.

– Адай! – крикнул Киркей и хлопнул себя по бедру. – Сюда иди!

Но пес завизжал и пополз в камыши.

– Надо же! – рассердился Киркей. – Собака и та испугалась.

Но Айдына продолжала замороженно смотреть на неистово бивших крыльями лебедей. Брызги веером разлетались в разные стороны. Ее рубаха промокла насквозь. Но она протянула руки к возбужденно клекочущим птицам и что-то шептала. Киркей увидел, что глаза у нее закрыты.

– Айдына, – Киркей схватил ее за руку, холодную, как лед. – Айдына, – произнес он тише, – пошли отсюда! Лебеди ночью спят...

И тут снова прямо из воды взметнулся вверх столб света. Он мерцал и переливался. Стало светло, как днем, только свет этот был странным: лицо Айдыны в нем отсвечивало голубым, и все стало голубым: и лебеди, и вода, и камыши, и песок, и даже руки Киркея.

Свет струился, дрожал, будто рябь на воде. И все вокруг тоже дрожало, двоилось, сверкало, растекалось, как круги по озеру от брошенного в воду камня.

Киркей почувствовал, что его покачивает, точно на волнах. Очень хотелось закрыть глаза. Но Айдына... Что с ней? С усилием он приподнял тяжелые, как камень, веки и увидел, что Айдына бредет по берегу навстречу женщине в серебристом струящемся платье, с желтыми, будто песок, косами и удивительными глазами: большими-большими, как чайная пиала.

В них словно плескалась вода, так быстро они меняли свой цвет: только что были голубыми, а следом уже серыми, или темными, как омут...

– Вот мои косы, длинные косы, тысячи змей... – бормотала женщина, – вот мои руки, тысячи рук, они мела белей... – и протягивала руки навстречу девочке.

– Айдына, стой! Это Суг-ээзи! – закричал Киркей. – Дух Воды!

Он схватил девочку за рукав. Но она неожиданно резко и сильно толкнула его в грудь. Киркей едва устоял на ногах. И быстро огляделся по сторонам. Огонь! Надо разжечь костер. Духи Воды и Огня не любят друг друга. Они будут ссориться, шипеть друг на друга, и тогда он и Айдына смогут убежать, спрятаться, спастись...

Но, как назло, ничего, кроме мокрого камыша, на глаза не попадалось. Ни тебе хвороста, ни сухого плавника на берегу. А Дух Огня без хорошего корма вряд ли одолеет Суг-ээзи.

Киркей с отчаяньем посмотрел на Айдыну. Ей оставалось шагов пять до воды. Он снова бросился к подружке, в грудь ударила волна, сбила с ног, и Киркей, скуля от боли, покатился по песку. Но вскочил опять и устремился к берегу, лихорадочно шепча:

– Над верхом скал поднимитесь. Духи ночи, смотрите. Духи дня, смотрите на свое Небо, на свое Солнце, на своего Отца. Смотрите на холмы. На степь смотрите. Хорошо смотрите за мной, на все смотрите и вы, мои кони. Мои лучшие табуны. Идите сюда, топчите воду, мутите воду, мои кони...

Откуда пришли эти слова, он не знал. Может, из тех былин, что пел ночами Салагай? Об этом Киркей не задумывался. Они возникли в его голове, и он повторял их раз за разом. И, почти падая, брел по берегу вслед за Айдыной, бормоча это странное заклинание.

Громкий крик пронесся над озером. Умноженный эхом, он долго еще бился о скальные стены ущелья, и ныл, и стонал, словно натянули струну гигантского хомыса и отпустили:

– Айды-н-н-н...

Киркей вздрогнул. Пелена упала с глаз. И он увидел, как оба лебедя набросились на Суг-ээзи. Описывая вокруг нее круги, они яростно шипели, били крыльями, гортанно кричали. И вновь Киркею слышалось:

– Айды-н-н-н...

Суг-ээзи отбивалась не менее яростно. Косы ее растрепались и металась во все стороны. Она грозно ворчала, голубые глаза вспыхивали, как зарницы – предвестницы грозы.

Из камышей выскочил мокрый Адай и принялся яростно лаять и отбрасывать задними лапами песок, но к воде близко не подходил. И лаял он странно, с подвывом, как никогда не лаял ни на животных, ни на людей.

Только Айдына будто не слышала ни этого гневного лая, ни диких криков лебедей, ни сердитого бормотания Суг-ээзи.

Впрочем, Киркей тоже ничего не слышал. В голове бились, стучали слова.

– Кони мои, кони... – шептал Киркей. – Топчите воду, мутите воду...

За спиной раздалось ржание. Киркей едва успел отскочить в сторону. Чильдей на всем скаку влетел в озеро, разбрызгивая воду, смешанную с песком. Вмиг исчезли и сияние, и женщина с желтыми косами, и лебеди. Чильдей, поводя боками, жадно пил воду и, отфыркиваясь, косил на Киркея глазом. Но тому как раз было не до лошади и не до пса, который, радостно визжа, принялся скачками носиться туда-сюда по берегу.

– Айдына, – Киркей бросился к подружке. – Ты видела?

– Что? – Она с недоумением уставилась на приятеля.

– Лебеди... Ты видела, как они кричали и дрались с Суг-ээзи?

– Дрались? Суг-ээзи? – нахмурилась Айдына. – Ты хочешь снова напугать меня?

– Ты смеешься? – Киркей с обидой посмотрел на нее. – Ты все время надо мной смеешься...

Айдына хотела сказать, что совсем не смеется. Она и вправду ничего не видела и не помнила. Вернее, видела, но совсем не то, что почудилось Киркею. Впервые за много лет ее навестили мама и брат. Они подплыли к берегу на лодке. Мама не сказала ни слова, только молча глядела на дочь и улыбалась. А брат был таким маленьким и забавным...

Айдына сглотнула застрявший в горле комок. Не хватало еще заплакать. Киркей тем временем взлетел в седло, подал руку Айдыне:

– Давай, живее!

И она, ничуть не удивившись чудесному возвращению Чильдея, подала Киркею руку и тоже оказалась в седле. Девочка молчала всю дорогу, как зачарованная, вспоминая удивительную встречу, которую подарила ей ночь. Киркей же за ее спиной размышлял о том, что не зря показались им лебеди. Он не сомневался: священных птиц послал сам Хан-Тигир, чтобы спасти Айдыну от гибели. И Чильдей тоже вовремя появился на озере.

«Надо непременно рассказать об этом Салагаю», – подумал Киркей.

Ведь старому хайджи наверняка известно, с чего вдруг боги вступились за подружку его правнука...

Глава 5

– Как проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная,
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Яик нам пойтить —
переход велик... —

гаркнула, словно по-над ухом, добрая сотня луженых глоток.
Мирон поднял тяжелую голову с подушки, огляделся.

– А за Волгу пойтить – нам ворами слыть,
Нам ворами слыть, быть половленным,
А мне, Ермаку, быть повешену...

– не унимались певцы-молодцы, но уже в удалении от избы, в которой князь Мирон Бекешев с трудом продрал глаза после тяжелого сна.

Он абсолютно не помнил, как оказался на широкой лежанке возле облицованной изразцами печки, на роскошной перине под пуховым одеялом. Но не печь и не перина были причиной того жара, что заставил его сбросить одеяло. Рядом храпела дородная девка с тугим белым телом и разметающейся по подушке черной косой. Она лежала на спине, непотребно раздвинув ноги. Полная грудь поднималась и опускалась в такт дыханию, тяжелому, как у мужика, весь день гнувшего спину на пашне. Пылала она, как самовар, но и потом от нее разило, будто от того же мужика, весь день не снимавшего онучи!

Мирон окинул ее брезгливым взглядом. Мерзкая баба! Откуда она взялась? Ведь он хорошо помнил, как письменный голова подсаживал его на коня возле съезжей избы, а затем Захарка помогал сойти у высокого крыльца. Впрочем, последнее, что отчетливо отпечаталось в памяти, было даже не само крыльцо, а широкая ступенька, которая стремительно неслась навстречу...

Он осторожно ощупал нос, щеки. На лбу – свежая ссадина, да и нос распух. С чего вдруг? Неужто и впрямь приложился к ступеням? Но подобное с Мироном случалось редко. Даже напившись до положения риз, голову он не терял. Здесь, видно, сказалась усталость. От Томска скакали с короткими передышками неделю, чтобы успеть до того, как вскрыется река, преодолеть ее по льду.

Девка с трудом повернулась, обхватила Мирона рукой и, тесно прижавшись, принялась елозить рядом, не открывая глаз. Толстые губы шевелились, пальцы скользнули по его животу вниз. Мирон вовремя схватил ее за запястье, отшвырнул руку, а затем турнул девку с кровати.

Она тяжело плюхнулась на пол. Открыла глаза – темные, запухшие, то ли от сна, то ли от щедрых возлияний.

– Чёй-то? – просипела она. – Чё дерешься, сокол? Ночью ласкал, заездил совсем, а счас гонишь... Али не мила стала?

– Пошла вон! – Мирон натянул одеяло и повернулся лицом к стене, бросив через плечо: – Чтoб духу твоего не было!

Девка что-то ворчала, роняла, затем снова подошла, постояла мгновение. Мирон не повернулся, сделал вид, что задремал. И вдруг одеяло рванулось с него, а наглая тварь с хохотом ущипнула его за ягодицу. Крепко ущипнула, с вывертом. Мирон взвился от боли, схва-

тился за сапог. Негодная баба успела метнуться в дверь, и сапог, отлетев рикошетом от косяка, свалился в ушат под рукомойником.

Мирон ухмыльнулся и с довольным видом огляделся. Впрочем, его лицо тут же приняло кислое выражение. Да и что хорошего было в том, что он увидел? Шляпа, кафтан и епанча валялись неряшливой грудой на лавке, а камзол и исподнее – на ковре. Один сапог красовался на столе, накрытом изорванной в клочья скатертью. Второй торчал из ушата. Шпагу кто-то воткнул в цветочный горшок, скосив под корень пышную герань.

Свет с трудом проникал в горницу сквозь слюдяные оконницы, обитые белым железом. И все же Мирон рассмотрел, что устилавшие пол китайские ковры с драконами изрядно затоптаны. А валявшиеся подле лежанки сапоги лакея покрыты толстым слоем красноватой, успевшей засохнуть глины. Лакей же Захарка странным образом куда-то испарился, оставив барина в одиночку воевать с крючками и пуговицами камзола. Мирон, верно, и грязные сапоги стаскивал сам? А лакею даже в голову не пришло их почистить, что случалось крайне редко даже во время их долгого и опасного пути из Москвы в Краснокаменск.

Как же такое случилось? Мирон нахмурился. Почему он ничего не помнит из вчерашних событий? Откуда провалы в памяти, черные, как угольные ямы? Даже собственное прибытие вспоминалось смутно, словно затянутое мороком. Что ж никто не привел его в чувство? А ведь состояние, в котором он пребывал, грозило хозяевам дома большими потерями. К счастью, только слегка погрозило. Кроме скатерти заметно пострадала медвежья шкура, которую содрали со стены вместе с деревянными клиньями, крепившими ее к бревнам избы, и тоже бросили на пол... Промелькнули в голове неясные видения: разъяренная медвежья морда, смрадный запах из клыкастой пасти и нож, который вошел в грудь зверя на все лезвие.

Ага, вот и нож рядом валяется! Мирон вздохнул. Надо же! Личный посланник царя Петра Алексеевича, ревизор его величества, и так опростоволоситься в первый же день пребывания в Краснокаменске. С чего вдруг кинулся сражаться с медвежьей шкурой, похоже, охотничьим трофеем хозяина? А тот, несомненно, человеком был состоятельным и чистоплотным. У порога – дубовые сундуки с добром, резные, желто-красные, с окованными железом углами и огромными замками. Напротив входа – поставец с фаянсовой и фарфоровой посудой. В красном углу – икона святого Николы Чудотворца; от горевшей лампы живые отблески падают на серебряный оклад. На стене – огневая пищаль с пороховым прикладом, над изголовьем – мушкет с серебряными насечками.

Мирон сел, потянулся, отчего одеяло снова сползло и упало на пол. Пить хотелось невозможно. Просто адски! Голова трещала. Эх, сейчас бы водицы холодной с брусникой испить или кваса ледяного!

Как был, голышом, он доковылял до стола и, наступив на скатерть, чуть не упал. Из-под ног выкатилась пустая баклага. Мирон поднял ее, понюхал и сморщился. Хлебное вино! Дешевое пойло! Возле стены на лавке стоял жбан для кваса, тоже пустой. По нему ползали мухи. Одна, злобредная, с лету ударила Мирона в лоб. Он отмахнулся и, борясь с головокружением, цепляясь за стенку, двинулся к выходу.

– Захарка! – гаркнул на всякий случай.

В ответ ни звука.

– Ах ты, собачий сын!

Ноги подкашивались, тянуло на свежий воздух, к колодцу, к проточной чистой воде. Но страсть как не хотелось натягивать вчерашнее исподнее. У лакея в сундуке должна сохраниться последняя чистая пара. Но куда его черти занесли, покуда хозяин спал?

Держась за косяк, Мирон выглянул в сени. Ну вот, яшень-пень! Лакей дрыхнул на скамье, подложив кулак под щеку. В кудрях и бороде запуталась солома, на лбу набухла приличная гуля, но он так безмятежно и счастливо улыбался во сне, что Мирон только покачал головой. Парню тоже изрядно досталось! Но кто ж их так отходил, не страшась последствий?

Он толкнул Захарку в плечо. Тот что-то промычал и перевернулся на другой бок. Рубаха на спине была порвана. Сквозь прорехи виднелась крепкая мускулистая спина и могучие плечи.

– А, чтоб тебя! – выругался Мирон и, схватив Захарку за шиворот, стащил его на пол.

Лакей согнул ноги калачиком. Из портов торчали босые ступни, все в грязи и прилипшей к ним соломе.

Недолго думая, Мирон схватил деревянный ковш, зачерпнул из стоявшей рядом бочки и обрушил водопад холодной водицы на буйную голову лакея. Тот даже не шелохнулся. Мирон пнул его в бок, пожалев, что нет на нем тупоносых башмаков с серебряными бляхами. В походе хороши лейб-гвардейские сапоги. Но от сапога удар по ребрам слабее. А босой ногой вроде и не ударил вовсе, только слегка пощекотал.

Захар всхрапнул в луже воды и почмокал губами, ну чисто младенец, потерявший мамкину титьку. И Мирон вмиг вспомнил, чего искал в снях. Заглянул в бочку. По поверхности воды плавали какие-то жучки или мошки. Мирон разогнал их ковшиком. Вода отдавала деревом, имела странный привкус. Но он наконец утолил жажду, залив в сохшееся горло два ковша воды. А уж изгнать ее насовсем попробует возле колодца. Ведро ледяной воды на голову – и сразу жизнь засияет яркими красками.

Мысленно поклявшись отправить Захарку на дыбу, Мирон вернулся в горницу и тут же увидел свой сундук, стоявший за дверью. Надо же! Он почесал в затылке, отметив, что длинные, до плеч, волосы уже не слипались в космы. И хоть с трудом, но вспомнил, как парился в бане, как лупцевал его веником дюжий казак, как окатывал из ушата чистой водицей... Да, очень кстати он заметил сундук! Есть во что переодеться!

Минут через двадцать Мирон стоял на высоком крыльце-рундуке и жадно тянул носом воздух, настоящий на сосновой хвое и березовых почках – чистый, прозрачный после пропитанной пьяным духом горницы. Над крыльцом раскинула ветви огромная береза, которую, видно, посадили при закладке крепости, а может, и сама она выросла задолго до строительства, потому что вымахала выше башенного шатра. Сережки на ней трепетали от слабого ветерка. Сквозь сетку ветвей виднелись клочки неба такой безупречной синевы, что казалось, там, в вышине, опрокинули бочку с лазурью.

И ни облачка, ни малейшего белого перышка в таинственной глубине, подсвеченной мягким апрельским солнцем. Только черные после ночного дождя шатры крепостных башен выделялись на его фоне. От них веяло страхом. Вроде ничто не предвещало опасности, но огромные, высотой до пяти сажений сооружения были возведены, чтобы уберечь людей от тревоги за жизнь, уверить их, что они надежно защищены.

Невольно Мирон остановил взгляд на хоромах, в которых провел ночь. Знатный домина! Похоже, воеводский! Но тогда он совершил очень большую ошибку, оставшись на ночлег у того, кого Петр Алексеевич давно подозревает в корысти и мздоимстве, иначе не отрядил бы в Краснокаменск ревизора! Но, видно, подсыпали в еду или питье дурное зелье, отчего потерял Мирон голову, да еще девку непотребную подсунули... Только не привыкать Мирону Бекешеву из переделок выходить победителем. Не зря отец называл его выкормышем Петровым. Доверял ему государь безоговорочно, хотя задание для двадцатитрехлетнего князя на первый взгляд казалось невыполнимым. Но Мирон не слишком об этом задумывался. Несмотря на молодость, он слыл человеком осмотрительным. К каждому поручению государя относился с тщанием бывалого служаки и с огоньком, что присущ юнцам, с равным старанием совавшим свою голову и в огонь, и в полымя.

С крыльца виднелись пять башен крепости, шестая находилась за спиной Мирона. Именно к ней прилегали хоромы, в которых он ночевал.

Мирон сбежал вниз и направился к пятиугольной, самой высокой башне, смутно припоминая, что накануне проезжал через ее ворота. Над воротами с наружной стороны виднелась

навесная часовня с маковкой, вершенной крестом. Обитая белым железом, часовня сверкала в лучах солнца до боли в глазах. Проезжая башня – самое слабое место в крепости, поэтому ей и нужно покровительство святого.

Перекрестившись на Спасов образ – Божие Милосердие под крышей часовни, Мирон перевел взгляд на другие башни. По верху каждой была устроена крытая шатром сторожевая вышка – караульня с галереей, огражденной перилами. В одной из них, угловой, он разглядел колокольню с большим набатным колоколом. На каждой вышке виднелось по часовому, вооруженному пищалю. Не стояли на месте сторожа, обходили караульню по галерее. И лишь иногда останавливались, осматривали из-под руки горизонт – не видна ли вражеская конница? Все ли спокойно на реке? При хорошей погоде в степи можно разглядеть врага верст этак за тридцать. Близкие скалистые сопки тоже как на ладони: знай смотри, не зевай! На маковке каждой караульни или жестяной флюгер, или двуглавый царский орел. Сразу видно, откуда ветер дует!

С четырех сторон окаймляла крепость, соединяя башни, двухрядная срубная городня, сажени в три высотой. Над стеной возвышалась двускатная крыша. Под ней – галерея для защитников острога и бойницы для затынных пищале¹⁵ и легких медных пушек.

В стене Мирон разглядел свежие бревна, а на крышах, крытых гонтом – деревянной черепицей, – светлые заплаты. Это значило, что молва о приезде государева ревизора намного быстрее его обоза достигла Краснокаменска. Конечно, сие могло быть совпадением, и воевода на самом деле рачительный хозяин, исправный служака, город и уезд содержит в порядке. Правда, слухи, что достигли Москвы, сообщали обратное. И даже невероятное: мол, воевода краснокаменский, дворянин московский Иван Костомаров, надумал вести переговоры с богдыханом, чтобы уйти под его защиту и покровительство...

Мирон беспрепятственно миновал воротную башню. За стенами крепости кипел жизнью посад. Его узкие улочки и переулки, застроенные крепкими, на подклетьях избами, мангазейными амбарами, казенными складами и лабазами, вели к Соборной площади. Где-то там находилась съезжая изба – канцелярия воеводы.

Знакомясь с городом, Мирон попутно приводил в порядок мысли и сопоставлял увиденное с тем, что ему поведали «сказки», выданные в Сибирском и Посольском приказах в Москве, а позже, уже в Томске, разъяснил разрядный воевода Илья Фадеев.

По дозору письменного головы Краснокаменска, присланного в Сибирский приказ в прошлом 1701 году, выходило, что город состоит из трех частей – крепости, острога с посадом и слободами, окруженными двойным частоколом, усиленным земляными валами и рвами, и заострожного поселения, где ютились в жалких хибарах пришлые бугровщик¹⁶ лесомыки да прочие гулящие люди.

Весь дозор Мирон Бекешев знал назубок. Бумага бумагой, в дальней дороге что только не произойдет, а память надежнее, тем более молодой князь на нее не обижался.

Но то были строки казенной грамоты, а город, что лежал перед ним, давно проснулся и жил привычной жизнью, как жил вчера и позавчера, как десять лет назад, когда на высоком утесе была заложена и построена на сибирской земле новая русская крепость Красный Камень.

Весенняя распутица, лужи... Острог тонул в грязи. Сновавший кругом городской люд: стрельцы и казаки в кафтанах, монахи в стеганых рясах, торговцы в зипунах, армяках и азиям¹⁷ бабы в душегреях и шабура¹⁸ длинных сарафанах и юбках, подолы которых они задирали выше колен, сверкая белыми гладкими ляжками, – все ловко перепрыгивали с пенька на пенек,

¹⁵ Затынное, крепостное ружье, установленное на сошке.

¹⁶ Бугровщики – копатели курганов.

¹⁷ Азиям – сермяга, кафтан.

¹⁸ Шаbur – балахон из сермяжной ткани.

с камня на камень, с кочки на кочку. На Мирона в его непривычном для местной публики зеленом кафтане, красной епанче и щегольских сапогах с раструбами косились, но не задирали. Он и сам чувствовал себя неловко среди этих людей, одетых по-простому, но тепло и удобно. На дворе – апрель, но ледяные ветры с севера могли еще принести метель и снег вполтину с дождем. По этой причине многие горожане расхаживали в меховых шапках, похожих на татарские малахаи.

Грязь заливала телеги поверх ступиц. Орала возчики, хлопали бичи, дико ржали лошади. Громко смеялись девки возле казенной лавки – над ним, наверно: в ту секунду Мирона уго-раздило провалиться в лужу, чуть ли не по колено. Вдобавок проезжавший мимо ямщик лихо свистнул, лошадь рванулась вперед. Из-под копыт вылетел фонтан грязи, и все – на щегольский кафтан.

Мирон раздраженно стряхнул перчаткой грязные капли, вытер лицо батистовым платочком в кружевах и с монограммой «Э.Р.» в уголке. На девок Мирон не взглянул, лишь чертыхнулся про себя, представив, как будет выглядеть, когда появится в съезжей избе.

Какая-то баба, покосившись на него, сплюнула в лужу:

– У-у-у, анчихрист, гола рожа, чтоб тебе повылазило!

– Чё к младеню лезешь? – заступилась другая, помоложе, с широким лукавым лицом. – Чисто азанка кидашься! Чё злился-то?

– Сама азанка! Понесла без весла! – откликнулась та, что старше. – Смотри, чтоб глазньки не вылезли, на чужой уд гляючи!

Молодая что-то крикнула в ответ и захохотала, но уже за спиной Мирона. Он предпочел ее слова не расслышать.

Где-то звонко стучал молот по наковальне; девичий голос нежно звал ягненка: «Бася, бася...»; перекликались часовые на вышках; лаяли собаки; громко квохтали куры и голосил петух, обнаружив, что круживший в небе коршун плавно пошел вниз. На высоком заплоте сварливо орала сороки, а из скворечников неслись звонкие песни пернатых новоселов. Скворцы прилетели, значит, тепло не за горами!

Впереди Мирона по кривому закоулку брели два инородца – скуластые, с бронзовыми от степного загара лицами, в лисьих шапках с хвостами и в бараньих, крытых сукном шубах. Их узкие, по-рысьи быстрые глаза ни на чем не останавливались и в то же время все замечали. Мирона тоже заметили. И тут же приняли по-детски наивное выражение. В ухе одного из них, возрастом постарше, Мирон заметил серебряную серьгу – барс свернулся кольцом. Большим искусником был мастер: барс, казалось, свился в пружину, чтобы – хоп! – мгновенно распрямиться в броске.

Рядом с инородцами крутился дюжий кривой мужик с плечами молотобойца.

«Кузнец, – определил Мирон по кожаному фартуку, прожженному во многих местах. – Да и глаз, наверно, искрой выжгло».

Инородцы несли медный котел. Остановились посреди закоулка, выбрали место посуше возле плетня, на котором висели глиняные горшки да корчаги, присели на землю, неторопливо закурили трубки. Потом склонились над котлом, долго его осматривали и ощупывали, а кузнец размахивал руками, бил рукояткой ножа по котлу, чтобы звенело. Инородцы смеялись.

«Ишь, как дети малые! – подумал Мирон. – Радуются этакой безделице».

Он медленно миновал живописную троицу. Кузнец покосился на него, но ноги подтянул, освобождая проход. Инородцы вынимали из мешка соболиные шкурки, ловко их встряхивали, чтоб мех играл на солнце, и бросали в котел. Кузнец провожал каждую шкурку жадным взглядом. Когда котел наполнился, провел закопченной рукой по его кромке: ровень идет – значит, договорились.

Ударили по рукам, и инородцы, что-то весело балабоня на своем языке, поволокли котел за дужку к проезжей башне острога. А кузнец, быстро затолкав шкурки в мешок, ринулся через

улицу к покосившейся избенке – «ивану елкину». Мирон опознал кабака по еловой ветке, болтавшейся на дверном косяке вместо вывески.

Возле шинка возился в грязи человек в рясе – то ли поп, то ли монах. Он порывался встать, но раз за разом валялся в мерзкую лужу. Фыркал, творил крестное знамение и снова падал. Опять творил крестное знамение и опять падал. Наконец подполз на четвереньках к гнилому крыльцу, опустил голову на ступеньку и запричитал дребезжащим голосом:

– Господи, прости мя, Господи! Во грехе помру, сложу голову окаянную! Что тебе, Всевышний, стоило подбросить Фролке деньги на опохмелку? Нет, не пожалел алтын. И надрался Фролка, как хряк-кладенец, как... – и захрапел на полуслове, стоя на коленях в грязи.

Кузнец тем временем скрылся за дверью кабака. Мирон направился дальше. «Пропьет ведь рухлядь, – размышлял он, сетуя на бестолковость и разгильдяйство кузнеца. – Вот ведь низкие людишки, живут одним днем. Нет чтобы продать шкурки, а на вырученные деньги закупить меди да слудить еще несколько котлов. Так, глядишь, и потекли бы денежки в карман».

По узкой дорожке навстречу ему шагал работный человек, рослый, широкоплечий, в домотканой рубахе, в портах из ровдуги, затертых до дыр, на ногах – разбитые опорки, за спиной вязанка дров – огромная, в три-четыре обхвата. Мирон невольно замедлил шаг: «Какова силища, а!»

Парень покосился на него, но уступил дорогу. Правда, долго смотрел вслед, открыв рот. Как говорится, и дух перевел, и любопытство потешил.

– Где съезжая изба? – спросил Мирон у паренька в рваной кацавейке, надетой на голое тело. Тот перестал подбрасывать ногой зоску – свинчатку, обшитую заячьей шкуркой, глянул исподлобья, махнул рукой вперед, а вслед злорадно прокричал:

– Зеленая лягуха, дурак – три уха!

Поверх тына сидела ворона и жадно клевала обглоданную кость.

«Дурная примета», – подумал Мирон и огляделся по сторонам, подыскивая, чем бы запустить в нахальную птицу. Бредущая впереди старуха захлопала в ладоши, но ворона даже не повернула головы в ее сторону. Стрелец, справлявший малую нужду возле частокола, подтянул штаны. Ворона подняла голову, скосила на него глаз и вновь принялась долбить кость, лязгая по ней крепким клювом. Стрелец быстро стянул с плеча самопал. Долго целился. Наконец вспыхнул выстрел. Эхо прокатилось глухо, отрывисто. Ворона, распластав крылья, кувыркнулась вниз и, цепляясь за выступы бревен, шлепнулась на землю.

Над башнями и стенами острога поднялись тучи ворон. С громкими криками они стали носиться над погибшей товаркой. Несколько птиц налетели на стрельца, обильно поливая его пометом. Сконфуженный служивый, закрывая голову руками, бросился в открытые ворота казенного амбара. Возле него два хмурых мужика сгружали с телеги мешки с зерном.

Мирон быстрым шагом миновал опасное место. Но возбужденные птицы долго еще носились в небе и гомонили на всю округу.

Глава 6

В съезжей избе с раннего утра и до заката солнца рьяно скрипели гусиные перья писцов. Готовые грамоты переходили в руки подьячих, которые, не разгибая спин, трудились за ясачным, хлебным, денежным, торговым столами. Подьячие скрепляли бумаги и отдавали на подпись дьяку. А тот уже решал, куда их направить дальше: письменному голове или самому воеводе Ивану Даниловичу Костомарову, правившему в Краснокаменске третий срок подряд, что для Сибири было более чем удивительно.

На воеводство дворяне соглашались охотно – и честь большая, и корм сытный да обильный. Мало того, обивали пороги Сибирского приказа, подносили щедрые почести, лишь бы достучаться до сердца приказного дьяка.

А как последует царский указ, то уж радости не передать. И сам дворянин на седьмом небе от счастья; и жена в полном восторге: ей тоже будут приносы; радуются дети: после батюшки и матушки всякий желающий подсластить воеводе зайдет на праздниках и к ним с поклоном; ликует вся дворня – ключники, подклетные: будут сыты; прыгают малые ребята: и их не забудут; пуще прежнего несет вздорные речи юродивый, живущий во дворе: ему точно что-нибудь да подадут. Все родственники и свойственники, вся челядь – поднимаются и, торжествуя, едут в огромном воеводском обозе на верную добычу...

Обычно хватало трех-четырех лет, чтобы выдворить воеводу обратно в Россию, чаще с позором, намного реже – со славою. А тех, кто задерживался дольше, чтили не один десяток лет, хоть и поминали частенько недобрым словом.

В избе было людно, тесно, душно и сумрачно. От воскового чада и книжной пыли слезились глаза. Степенно переговаривались ражие русские купцы в поддевках и толстые бухарские торговцы в халатах и тюрбанах на бритых головах; с шумом толпились пашенные крестьяне, мелкий ремесленный и служивый люд. В разномастных кафтанах, армяках, шубейках, фуфаях шлепали они побитыми сапогами, ичигами, торбазами по каменным плитам, оставляя за собой комья грязи. У каждого за пазухой или в холщовой суме либо петух, либо курица, либо поросяенок; у иных кусок отбельной холстины, узорчатое полотенце или другие «поминки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.